

Александр Окольников

Легенды и предания
Влесова Ключа

#Гардар
Йошкар-Ола
2021

УДК 82-343.4
ББК 84(4 Рос)
О51

Кологодный цикл

Ратибор и волшебство Купальской ночи
Ратибор и сказки Вещего Леса
Ратибор и тайна Великой Коляды

Миры Сварги

Легенды и предания Влесова Ключа
Девять жизней Кота Баюна

*На обложке использована
картина И. Ожиганова «Лель»*

Окольников, А.

О 51 **Легенды и предания Влесова Ключа.** – Йошкар-Ола: Гардар, 2021. – 304 с.
ISBN 978–5–6043207–3–0

Тысяча извилистых тропинок, блуждая меж деревьев, ведут во Влесов Ключ. Сотни ног топчут их ежедневно. Одни, не чураясь кланяться Лешему, заходят в лес спиной вперед и оставляют угощение на ближайшем пеньке, другие не гнушаются отведать дары.

Деревенька, ставшая перепутьем дня и ночи. Местечко, где сходятся Миры, накопила множество легенд и сказок. Часть из них долгими зимними вечерами отдается на откуп детворе. Остальные оседают в молчании вековых старцев, хранящих память о былом. Ту память, что негоже записывать, а можно лишь нести на устах.

Герои цикла книг о Ратиборе заживут нынче своей жизнью, превратившись из второстепенных персонажей, в действующих лиц собственной сказки. Благодаря чудом сохранившимся летописям мы узнаем, как закончился поход Стрибога на Морану, познакомимся с историей родителей Ратибора, совершим путешествие в Приют павших Богов и Забытый Край.

Воронец, Кашцев день, Ярило Вешний, Осенние Деда, День Мораны и многие другие праздники откроют для нас свои тайны и познакомят с традицией народных обрядов. Посему не стоит стоять на опушке – пора отправляться в путь, Влесов Ключ с радушием ждет гостей!

ISBN 978–5–6043207–3–0

© Гардар, 2021

© Окольников А., текст 2021

© Гардар, оригинал-макет, 2021

Присказка

Мир Единой Сварги

С незапамятных времен существовал единый и неделимый Мир, созданный Прародителем. Сотканная из различных земель, объединённых родством и общими корнями, ведущими к Прародителю, Единая Сварга цвела и благоухала.

Было в ней место Садам Ирия, в котором обосновались дети Рода, и Царству Чернобога, не нашедшего общий язык с братьями и сестрами. В Вещем Лесу высился Ясень, несущий в себе одно из зерен Силы Праотца. Царства и княжества, населенные детьми Дажьбога, жили хоть и не всегда в мире, но по большей части безбедно, помня заветы предков и чтя жителей Прави.

Кроме людей, Сваргу считали домом и иные существа, несшие в себе частицу дыхания Рода. За лесом приглядывали Лешаки, за водами присматривал Водяной, в ветвях Ирия гнездились жар-птицы, а где-то можно было встретить и птицу-Гамаюн. Под печкой в людских домах селились Домовые с Кикиморами, вместе с банником и овинником, помогавшие вести хозяйство. Своенравные и готовые не только помочь, но порою и подшутить над человеком, они не были злобны, ежели не видели зла от людей.

Неизвестно, как долго продолжался Золотой Век процветания, но известно, когда на единую Сваргу упала тень, Мир начал меняться, но эти изменения не сразу заметили. А когда заметили – было уже поздно. Мир раскололся на три неравные части, образовав Царства Правь, Явь и Навь, которые постепенно теряли связь между собой, превращаясь в параллельные пласты реальности, слабо связанные друг с другом.

Менялся не только Мир, но и его жители. В водах мира явного начали появляться мавки, в полях - злые до людской боли полудницы. Войско Чернобога, собранное из бравых

воляк, превратилось в армию оборотней и иных существ. Изменились и люди. То, что совсем недавно было их настоящим, с которым жили бок о бок, затёрлось в памяти, затерялось в глубине веков, став сказкой, о которой вещали старцы и в которую почти никто не верил. Лишь немногие, оказавшиеся на перепутье Миров, помнили истинную быль. Одно из таких мест мы знаем под названием «Влесов Ключ».

*Посвящаю книгу своей маме,
которая с детства привила любовь к сказкам*

Зачин

Нехотя поддаваясь под напором твердой руки, протяжно застонала входная дверь в горницу. Сколоченная из массивных дубовых досок, она двигалась не спеша, даруя собравшимся в доме малышам мгновения сказочной, предвкушающей чуда, неизвестности, от которой замирает сердце, спирает дыхание, а глазки горят особенно ярко, ожидая: ну, вот-вот, сейчас случится. И чудо произошло.

Гомон и возня стихли еще при звуках двери уличной, ведущей со двора в сени, она первым дозорным оповестила: идёт, ждите и готовьтесь! Затем заголосили ступени лестницы, охолощая самых неугомонных и непоседливых. Когда же скрипнула дверь, затворяющая вход в горницу, нагретую печью и детскими дыханьями, под высоким потолком повисла небывалая тишина – ни скрипа, ни шороха. Но как только вторая нога вошедшего пересекла порог и встала на потертые половицы рядом с первой, ребячьи разразилась просьбами и взорвалась возгласами пожеланий.

– Деда, расскажи сказочку.

– Расскажи-расскажи.

Детей нынче было много – яблоку негде упасть. Хозяйские ребяташки предусмотрительно заняли место на печи: тепло, удобно и всё видно. Жуя калачи с крендельками, они с интересом переводили взгляд с вошедшего сказителя на несметную орду, захватившую их дом. Те, кто пришел пораньше, уселись на лавки, стоящие вдоль бревенчатых стен. Долгоходам же досталось место на полу, на теплых, с любовью вытканых руками хозяйки дома, половиках, а другим пришлось жаться меж скамеек, стоя у стен.

Взрослых в доме не было. Так уж повелось, что в этот самый вечер, раз в году, детишки собирались то в одном, то в другом доме и слушали сказы. Совсем малые и постарше. Одни пришли впервые, иные готовились внимать, с восторгом

погружаясь в удивительно волшебный мир в последний раз – в следующем году мальчишек ждало посвящение Перуну, а девочек примут в свой круг старшие подруги. Волшебный мир навсегда закроет для них свои двери. Зато откроются другие двери и дома, где собирается неженатая молодежь на развеселые вечерки, там можно услышать истории совсем иного характера, чем нынче, и ближе познакомиться друг с другом, дабы подобрать пару на всю оставшуюся жизнь.

Вошедший был стар и сед, но, несмотря на возраст, кряжист и крепок в кости. Жил он бирюком. Где-то в лесной чащобе, куда редко захаживали путники, стоял, как поговаривали, неказистый, но крепкий, как и его хозяин, бревенчатый дом. В деревне дед показывался нечасто, но людей не чурался. Если была нужна помощь – помогал. И только одним исключительным вечером – сегодняшним – Дед Пахом приходил в избу, в которой собиралась вся ребятня деревни – и как только угадывал, ведь шёл, без подсказки, напрямиком к нужному дому и вещал сказы. Как, когда и почему это повелось, уже не ведали ни стар, ни млад. Хотя взрослые побаивались деда, порою величали Лешим, но ребятня души в нем не чаяла и сказы ждала с превеликим желанием.

Пахом снял тулуп, в котором ходил и летом, и зимой, бросил в угол у входа. Туда же полетела меховая шапка. Аккуратно поставил крючковатый извивающийся посох, прислонив его к стене, куда была скинута одежда. Сел на свободную скамью. Поднял заранее приготовленные гусли. Погладил, проведя рукой по изгибу инструмента. Коснулся струн, вслушиваясь в звук, зависший в комнате. Довольно хмыкнул. Затем пристально, словно желая удостовериться, что нынешние слушатели достойны внимать сказам, посмотрел в глаза вновь притихших детей. Улыбнулся сам себе, довольно кивая, и ответил на просьбы:

– Ну, слушайте, внучатки. То было, или еще не свершилось, но обязательно случится. А может быть, и никогда не было того, что я вам поведаю, и не случится до скончания веков. То было в далеких-далеких землях, а может, совсем рядом, за околицей...

– На наших тропках?

– На тропках, на тропках!

Не удержавшись, открыли рты самые смелые да непоседливые.

– А может, и в березовой рощице!

– А может, и там, на лугах, что у реки. Или не на лугах, а в садах Ирия.

– Или на путях, уводящих за мостик?

Вторили первым ребята побоязливее, переборовшие свой испуг, не отворачиваясь от взгляда Деда Пахома.

– А может, и на путях, что ведут к калиновому мосту.

– Деда, а ты сам видел?

Старик хмыкнул, утирая распolzшиеся в улыбке губы, примечая самых смелых, отмечая ребятишек, которые сумели побороть свой испуг, и отдельно заприметив тех, кто не посмел раскрыть рта, хотя было видно, что вопрос задать горячо желал.

– А то сам, а то не сам. Что было или не было, то видывал или нет. А может, слыхивал, а может, и причудилось. Байки всё это, сказы, да присказки, легенды и предания, – он наставительно поднял указательный палец. – Да только в каждом сказе есть свой урок, который вам стоит запомнить и выучить.

Огонь, пляшущий на лучине, споткнулся о край куцега огарка, едва не упав с тонкой древесной жилки, с испугом качнулся, отстраняясь от порывистого движения мозолистой руки, выпрямился и робко вступил на новую, длинную жилку, по которой ему предстоит проделать увлекательный путь, скрашенный занимательным рассказом и думами о вечности, из которой он пришел по велению умелых рук, ударивших о кресало, и куда вернется после окончания своего безысходного танца.

Пальцы Деда Пахома коснулись струн. Растекаясь нежно пульсирующими волнами, мелодичные звуки заполнили комнату. Они текли неспешно, окутывая и обволакивая собравшихся ребятишек. Повинуясь внутреннему порыву, дети подались вперед, замерли, готовые с головой окунуться в

открывающийся им дивный мир. В такт мелодии неожиданно
раздался негромкий сладкозвучный голос сказителя:

– Вязкие зимние сумерки дрогнули...

Самый редкий день в году (Кощеев день)

Двадцать один год до Купальской ночи¹

Вязкие зимние сумерки дрогнули. Ожидая прихода рассвета, они, доселе укутавшие наст, незначительно отступили, скользя по хрустящему снегу, но всё же ночь, неуклонно теряющая власть, оставалась ещё достаточно непроглядной. Под стоны заунывно плачущего ветра хрустела снежная корка. Мгла, окутавшая всё вокруг, поёрзала и устало расступилась, выпуская из своего марева огонёк, зажатый в руке девочки, которая, ничуть не страшась темени, упорно шагала по твердому насту, изредка проваливаясь в сугроб.

Малютка остановилась, выдохнула. Сняла с правой руки большую варежку, зажав её подмышкой, поправила непослушные волосы, пряча их в мех туго завязанной шапки-ушанки, дыхнула в рукавицу и вновь надела её. После подвигала уставшими плечами – сшитый на вырост тулуп был тяжеловат для хрупких плеч. Затем огляделась, решая: не сбилась ли с пути, и, убедившись, что идет в верном направлении, затопала дальше, с усилием поднимая обутые в тяжелые большие валенки ноги.

Выйти пришлось затемно – самое темное и опасное время сегодняшнего дня, но ничего не поделаешь, коли желаешь успеть к намеченной цели – будь добра, потрудишься, да и страхи свои умири. Благо идти предстояло по знакомому пути: и зимой, и летом Марья хаживала по нему не единожды. Да и подаренный любимой бабушкой уголёк – светящийся, но не обжигающий – изрядно облегчал путь в предрассветном сумраке.

Неуловимо для взора отступала ночь. Девочке чудилось: всего пару раз моргнула, а тут и там из мглы уже выступали,

¹ Сказы хронологически между собой не связаны. Для понимания времени повествования точкой отчета выбран день Купальской ночи, описанной в книге А. Окольниковой «Ратибор и волшебство Купальской ночи».

проявляясь с каждым шагом, обрубленные с наросшим льдом ветви деревьев, уставшие от налипшего на них снега. Совсем скоро выйдет предрассветная зорька и заветный уголёк можно будет завернуть в платочек и спрятать в карман.

– И ничего, что мамка не велела пользоваться подарком бабушки, – успокаивала себя Марья. – Я его не для баловства или шалости взяла, а для важного дела!

Её уже ждали. Вначале девочка заприметила два ярких огонька, зависших над землей и пристально следивших за её приближением. Затем из тьмы проступил силуэт столба, на котором восседал сливающийся с сумраком большой чёрный кот.

– Принесла? – без обиняков промурлыкал давний знакомец, вставая на все четыре лапы, выгнув спину, лениво царапая обитый железом столб, отчего в сторону Марьи полетели тающие в воздухе искры.

– Принесла, – девочка заговорщицки подмигнула коту, спрятала уголёк в карман, из другого достала плотно свернутый кулёк бумаги. – Держи!

Кот потянулся к гостинцу, принюхался и, облизнувшись, зашептал, оглядываясь по сторонам, словно опасаясь, что их подслушают:

– Славненький подарочек! Славненький!

– Не понимаю только, зачем тебе кости? Попросил – я бы тебе курочки принесла.

Марья развернула кулёк, в котором лежали куриные кости. Кот с нетерпением топтался на столбе.

– Видишь горшочек? – он указал лапой на лежащий неподалеку глиняный горшок. Девочка присмотрелась, кивнула. – Положи в него кости да зарой поглубже в снег.

– Выдумщик мой пушистый, – она улыбнулась и без лишних вопросов отправилась выполнять указания – знала, что кот просто так ничего просить не будет и что во всем есть смысл, а коли ты его не разумеешь: будет тебе наука – мотай на ус, да помалкивай, а коли нет усов – на нос, вырастут усы – перемотаешь.

Снег пришлось рыть руками, разрыхляя его небольшим ножом, завсегда висевшим на поясе. Маленький, неказистый, под девичью стать, он не идет ни в какое сравнение с теми клинками, что получали юноши, прошедшие наречение под грозовым дубом и вступившие в младшую дружину Влесова Ключа.

– Полно, голубушка, – кот, вытягивая шею, с интересом потянулся вперед, рассматривая получившуюся яму, но со столба не спрыгнул. – Глядишь, так и до землицы докопаешь. Зарывай так, как есть. Из твоих костей скоро вырастут будущие цыплята. Ими-то я и полакомлюсь.

Марья улыбнулась, устало вытирая со лба проступивший пот, выдохнула и, присев на образовавшуюся горку снега, вымолвила:

– Так уже докопалась, хотела слегка разрыхлить, а она не дается, – в голосе девочки сквозила обида.

– Не переусердствуй, – назидательно продолжая наставления, кот присел. – У тебя еще целый день впереди. Не передумала?

– Ещё чего! – Марья вскочила, опустила горшочек с костями в яму и начала зарывать по-собачьи: встав к ней спиной и энергично работая руками. Завершив дело, девочка продолжила: – Я об этом давно мечтаю! Хоть одним бы глазком увидеть замок деда, а ты, – она гневно зыркнула на собеседника, – так и не повёл меня туда.

– Не просто попасть в его замок, к тому же мала ты была, – он задумался, пристально изучая Марью. – Да и сейчас ещё мала, но коли хочешь – иди, любуйся!

– Чего ты надулся? Я же не со зла. Ну, котейка... – жалостливо протянула девочка.

– Как знаешь. Не просто нынче попасть в его замок. Сделать это можно только тогда, когда Худой бодрствует, а случается это не так уж и часто. Уж сколько годков минуло с той поры, как он стал просыпаться один раз в четыре года, в особый день.

Марья с восторгом смотрела на кота, боясь пропустить хотя бы одно слово. Она частенько гостила у бабки, где и

подружилась с черным озорником, отчего получила дома взбучку и нагоняй мамы Василисы, но не могла удержаться и бегала тайными тропами к избушке на курьих ножках вновь и вновь. Теперь настал черёд посетить жилище деда.

– А почему ты называешь его Худым, а не по имени?

– Если увидишь – поймешь. Но лучше тебе с ним не встречаться. – Недовольный тем, что его перебили, кот поднялся на лапы и продолжил: – Целее будешь.

– Ты проведешь меня?

– Не я, – кот облизнулся и посмотрел на то место, куда девочка зарыла горшочек с куриными костями. – Мне теперь нужно урожая дожидаться. Он тебе путь укажет.

Марья не заметила, когда под котом обнаружился клубок красных ниток. Девочка едва уловила движение когтистой лапы и заметила нечто упавшее на снег. Лишь теперь она сумела разглядеть, что бросил ей давний друг, и с восторгом запрыгала, хлопая в ладоши.

– Диво-то какое! – на лице девочки расцвела лучезарная улыбка. – Тот самый? Путеводный? Из сказок?

– Все мы тут из сказок, – недовольно буркнул кот, и тут его изумрудные глаза загорелись, наливаясь багряным цветом. – Уходи отсюда! – и уже злее, обращаясь к проводнику: – Уводи её!

Клубок дернулся, резко покатился. Сделав круг вокруг Марьи, рванул в сторону. Девочку не нужно было приглашать дважды. Не раз и не два они попадали с черным котейкой в переделки и спасались только благодаря его опыту. Марья всегда четко выполняла требуемое старшим наставником, а то, что Баюн был гораздо старше её, девочка не сомневалась.

Завыла невесть откуда взявшаяся пурга. Окружая столб, бесновались снежные вихри. Раз за разом Марье чудилось, что завихрения принимают облик огромных белых волков. Клубок покатился в эпицентр набирающего силы бурана, перед взором испуганного ребенка открылось овальное оконце с рваными колышущимися краями, за которым расстилалась умиротворенная снежная равнина. Клубок уже был по ту сторону. Марья рванула следом, обернувшись на краткий миг.

Ей почудилось, что на столбе стоит высокий воин в агатово-черном доспехе. Витязь с яростью рубил двумя короткими мечами, умело отбивая атаки белых волков. Чем закончилась схватка, девочка не увидела – проход сомкнулся перед её носом.

* * *

– Чего не спишь, сосед?!

Хруст ломающегося наста, встревоживший предрассветную тишину, недовольно стих после нескольких неуверенных шагов, словно идущий ещё размышлял: остановиться или продолжить путь, невзирая на оклик. Одетый в потертый тулуп долговязый путник нехотя повернул непокрытую голову, сощурился, и узнав, кто решил его остановить, развернулся и сделал пару шагов в сторону невысокой изгороди, за которой стоял говоривший.

– Ты же знаешь, сосед, – путник хищно ухмыльнулся. Не таким, совсем не таким знала мельника Гостемила деревенская детвора, прибежавшая к доброму тятю за пряниками да крендельками, а на коляду шедшая именно в его дом за праздничным караваем. Увидели сейчас – испугались бы, да и дом стороной обходить начали. Но не было иных свидетелей разговора, кроме нечаянных собеседников, да нескольких пар голодных глаз, наблюдавших за живыми со стороны навьего леса. – Утренний час – весь день кормит. Мельницу к весне готовить нужно, да и ребятня скоро набегит за угощениями.

Крепко сбитый мужчина стоял, опираясь на черенок лопаты, которой до этого расчищал снег во дворе. Он пристально изучал мельника, изредка переводя взгляд на соглядатаев, которые особо не таились – видно было, что сосед нужен им позарез, глядишь: ещё и сюда заявятся, не побоясь выдать себя и своего союзника.

– Некому бежать, все по избам попрятались, а ты ходишь. Отчего, куда?

– Дрыхнут пузочёсы, – мельник обнажил белоснежные зубы, весело хрюкнул и тут же сурово зыркнул на нежданного

собеседника. – Да и ты, я погляжу, не на печи греешься. Не боишься глаза Касьяна? Гляжу, работаешь с утра, когда как все хозяйственные работы вчера переделали, дабы сегодня и нос из избы не казать. Отоспаться до обеда, как будто это спасет их от грядущих бед и ненастий.

– Так не Касьяно то глаз. Мы же оба знаем, чей сегодня день, да и имя Кошнего Бога, я думаю, от тебя не скрыто, хоть многие за пределами Влесова Ключа и решили забыть его – людская память короткая, верно, мельник Гостемил?

– Верно, Всеслав, – медленно проговорил путник. – Имя-то его ты не боишься произносить? На себя наклепать лихо, им сотворенное? – В этот момент взвыла невесть откуда взявшаяся метель, настойчиво толкнула Гостемила в спину, отчего тот неуклюже пошатнулся, едва не упав лицом в снег, но смешно взмахивая руками, чудом сохранил равновесие. После чего прошептал сквозь зубы: – Иду я, иду!

Всеслав подобрался. От минутной расслабленности не осталось и следа. Мужчина был собран, в любую секунду готовый отразить атаку, поглаживал висевший на шее оберег.

– В Кошнеев день хозяин Нави возвращает людям всю привнесённую ими в мир неправду. Для многих этот день стал самым тяжелым в году. Да и сам год нелегок, ты же знаешь, даже сватов в этот год не посылают, дабы не усложнить жизнь новой семье!

– А я о чём! – Гостемил победно улыбнулся.

– Только ты забыл, и многие из живых запомнили, что в действительности сегодняшней день опасен лишь для тех, кто живёт не по правде, не по совести, – Всеслав наставительно поднял палец. – Тех, кто родных Богов и предков не чтит, может настичь его стая, – он кивнул в сторону леса, откуда не таясь вышли два больших белых волка.

– Да ты!.. – мельник вскипел, сжимая кулаки.

Всеслав продолжил, будто не замечая реакции собеседника.

– Иные же, отвергшие сиюминутные искусы, крепкие духом и помнящие наставления отцов, обращают сердце к

своим великим предкам. А те вразумляют их, дают силы, всячески помогая отринуть кривду и жить по Праву, – он шагнул к изгороди. – И это, мой дорогой мельник Гостемил, есть лучшая защита, наисильнейший оберег от всего худого и недоброго – во всех жизненных ситуациях и во все времена.

Его собеседник дернулся, как от удара, занес ногу, чтобы сделать шаг, но очередной порыв ветра заставил мельника обернуться, и он, махнув в сторону Всеслава рукой, направился к лесу, бросив вслед:

– Придет время! Мы с тобой продолжим разговор!

Не сказав более ни слова, Гостемил понуро потопал к деревьям. Всеслав хмуро наблюдал за уходом собеседника. Нечаянный разговор породил в его груди тревогу, а в голове ворох вопросов. На часть из них ответы ему были известны, а на другие знать он попросту не желал, но со всей обреченностью щепки, влекомой потоком весеннего половодья, осознавал, что скоро узнает. Думая о своём, Всеслав не замечал наблюдателя, пристально всматривавшегося в очертания Чертовой Мельницы, в сторону которой брел незадачливый мельник. Усевшись на разрыхленный лапками снег и прижавшись к печной трубе, на крыше дома Всеслава уютно расположился черный кот. Вступив в неожиданный бой с оборотнями Чернобога и одолев их, Баюн нехотя оставил место, где вскорости должны были народиться цыплятки, и последовал за отступившими волками. Но не только они с Всеславом следили сейчас за происходящим. Глазами Баюна спину Гостемила сверлила хозяйка черного кота.

* * *

– Калинка, калинка, калинка моя – Марья одиноко кружилась в танце, плавно водя руками по воздуху. Сбитые в мозоли ноги заплетались. По искаженному гримасой боли и усталости лицу текли ручейки пота. Прокручивая в голове случившееся и устало напевая, она не могла остановиться. – Калинка...

Следуя за клубком, Марья без труда преодолела заснеженную равнину. Погони не было, видимо, снежные волки, учуявшие её на границах Навьего царства, потеряли след, или же кот Баян справился с ними со всеми, во что ей верилось с трудом.

Идти было легко – твердый наст не проваливался под весом девочки. И совсем скоро, ведомая клубком, она стояла на опушке леса. Провожатый звал за собой, попеременно откатываясь и возвращаясь к замершей девочке, словно недоумевая: «Чего же ты медлишь?»

– Боязно, – не находя в себе силы вступить на утоптанную кем-то тропу, она виновато смотрела на своего проводника.

В спину ударил порыв ветра. За ним другой, ещё сильнее первого. Марья обернулась, догадываясь о природе неожиданно портящейся погоды. И действительно, там, откуда они пришли, наблюдалось движение – снежная стая взяла след и отступить не собиралась.

– Бежим! – девочка рванула вперед, обгоняя клубок, который замешкался, но тут же опередил спутницу, указывая верную дорогу.

Явившаяся неожиданно пурга усилилась. Оглянувшись, Марья увидела три белых силуэта, мчавшихся к ней с невероятной скоростью – расстояние, разделявшее их, неминуемо сокращалось. Отдавая все силы бегу, девочка не заметила, как перед ней открылся проход, ведущий в затемненный коридор, заканчивающийся тупиком, и не глядя бухнулась туда, врезавшись в стену, сложенную из массивных булыжников, больно ушибив плечо.

– Калинка, калинка...

Марья не ведала, сколько времени выплясывает под требовательный наигрыш гуслей-самогудов, на которые случайно наткнулась впотьмах, когда пришла в себя после падения и попыталась найти выход. Силы покидали детское тело, но остановиться было против её воли.

– ...малинка...

Порою девочке чудилось, что звук гуслей отдаленно напоминает шум осенних ветров, погружающих всю природу в длительный зимний сон. Неожиданно мелодичный наигрыш начинал резко реветь, словно сорвавшийся с цепи ураган, но тут же затихал, беря свою жертву измором.

– ...в саду...

Марья споткнулась. Пошатнулась, выпрямилась и вновь начала плясать, не в силах удержаться от следующего шага.

– ...ягода малинка моя! Эх...

Девочка вновь споткнулась и чуть было не упала, но тут же испуганно встрепенулась, заметив движение под своими ногами. Через мгновение радостно улыбнулась, с натугой выдыхая:

– ...калинка...

У её ног вертелся путеводный клубок. Сделав очередной оборот, он остановился, заставив Марию вновь обратить на него внимание. Девочка взвизгнула, теряя под ногами опору, и рухнула в образовавшийся на полу проход. Как только проход закрылся над её головой, звук гуслей затих, отдаваясь пульсацией в ушах Марьи, которая по привычке сделала несколько движений руками и ногами, но тут же опомнилась и устало опустила на пол.

Отдышавшись, девочка с интересом огляделась. Она очутилась в просторном зале: его дальние стены терялись в сумраке, а ближайшая, освещенная едва заметным свечением, исходящим от раскачивающегося на цепях хрустального саркофага, была украшена огромным, выше человеческого роста, зеркалом, в котором заметила смутное движение. Марья охнула и, с трудом поднявшись, заковыляла в ту сторону. Клубок двинулся следом, несколько раз настойчиво ударился в ногу девочки, но та отпихнула проводника ножкой, полностью захваченная происходящим за мутным стеклом.

Посмотреть было на что. Внутри зеркала кружился затейливый хоровод, сплетенный из сотен безликих теней. Изредка слышалось карканье и шелест крыльев. Порою промеж темных силуэтов мелькали безразличные ко всему лица людей. Иногда Марье чудилось, что она может кого-то

узнать, но так и не сумела задержать взгляд на мелькающих в чехарде лицах.

Девочка вспомнила шутейную, как ей тогда казалось, бабушкину присказку:

– Жребий выпадет, не к предкам попадешь, в сады Ирия, а утащит тебя владыка кощего царства и будешь сидеть у него в зеркале. Захочешь – вынет он тебя, да оденет, словно рукавицу, да будет использовать в угоду своей прихоти, – при этих словах бабушка всегда морщилась, словно касалась чего-то склизкого и крайне противного.

– Не будет! Не будет! – вскрикивала в такие моменты испуганная, но всё же бойкая девочка. – Мы его сапогом, сапогом!

Марья вспомнила слова бабушки и её сердце похолодело.

– Неужели это то самое зеркало? – застыв у зеркальной глади, промолвила она.

– То-о-о... то-о-о... – подхватило незнамо откуда взявшееся эхо.

От этих звуков кроха вздрогнула, но не отступила, а с интересом прильнула к тусклому стеклу, за которым заметила единственную яркую краску. Меж теней, недоуменно озираясь, ходил мальчик, немногим младше её самой. Одетый в красную рубаху, он выделялся среди серой массы. Неожиданно резко вздрогнув, мальчуган усталился на Марью, отчего та в испуге отпрянула от стекла, боясь не то что пошевелиться, даже дышать. Девочка посмотрела под ноги, там бился клубок, видимо, призывая скорее покинуть сие место. Но стоило ей только поднять глаза, все мысли о бегстве тут же улетучились. Прильнув к стеклу, с той стороны на неё смотрел светловолосый мальчишка. От него веяло чем-то знакомым и до боли родным, а улыбка заряжала уверенностью в свои силы, растапливала холод и отгоняла усталость, скопившиеся в юном сердечке.

– Жаль, что у меня нет младшего братика! Он был бы похож на тебя!

Мальчик вновь улыбнулся. Почти одновременно они подняли руки и прикоснулись ладонями к стеклу. На краткий

миг Марья почувствовало тепло, исходящее от безразличной ко всему зеркальной глади.

– Как тебя зовут? – девочка с жадностью изучала лицо неожиданного собеседника. – Что ты там делаешь?

Мальчик не проигнорировал её вопрос, беззвучно прошептал губами:

– Держи.

Девочка одернула от стекла руку, с удивлением взирая на ладонь, в которой лежало большое куриное яйцо. От неожиданного подарка шел слабый запах плесени.

– Зачем? – она с опаской посмотрела на незнакомца.

Он не ответил, стоял и безмолвно взирал на испуганную девочку.

За ногу потянули. Марья нехотя оторвала взгляд. Обмотав валенок девочки своей нитью, клубок увлекал спутницу прочь от зеркала.

– Чего ты?..

Договорить она не успела, смолкла, заслышав в шуме завывающего за стенами ветра едва различимый звук приближающихся шагов. Девочка заметалась, ища укрытие, и не заметила, как лицо мальчика в зеркале померкло, сменившись на незнакомца, прикрывшего лицо капюшоном, из-под которого были видны лишь два уголька-глаза, горящих багряным пламенем.

* * *

– Твоё время пришло!

Гулкий зародившийся впотьмах скрежет больно ударил по стгутившейся тишине. Тьма вздрогнула, как от удара хлыста, и отступила на шаг, затем ещё на один. Сумрак покорно уступал место мерно стелющемуся по полу свечению, исходящему от массивного хрустального саркофага, который висел на девяти цепях, прикрепленных к девяти столбам, выросшим из мраморного пола вокруг усыпальницы.

– Долго я спал? – из хрустального ложа донесся усталый голос.

– Как всегда, – кряжистый дед, стоящий подле, нерешительно приблизился.

На край саркофага легли худые пальцы, показалось уставшее, осунувшееся лицо с острым крючковатым носом. Лысую голову проснувшегося украшала остроконечная корона.

– Неужто четыре года прошло?

– Прошло, – недовольно буркнул побудник, заразительно зевая.

– Тебя самого, гляжу, в сон клонит, – поджарый мужчина, облаченный в легкий вороной доспех, недобро ухмыльнулся и, поднявшись на руках, ловко спрыгнул с хрустального ложа. Его угольно-черный плащ при этом раскрылся, словно крылья ворона, но тут же осел на костлявых плечах. Пробужденный возрился на собеседника, ожидая от того пояснений.

– Я теперь почти как ты: до весны сплю, Силу берегу. Раз в четыре года до срока просыпаюсь, тебя стерегу, дабы поведать о творящемся вокруг.

– Опостылело небось?!

Худой с интересом осмотрелся – темнота не была ему помехой, довольно хмыкнул и направился к выходу из зала, намереваясь совершить привычный обход замка и выслушать спутника.

– Сколько времени и Силы утекло – не счесть.

– Да, потеряно немало. Приходится беречь Силу и бодрствовать всего один день раз в четыре года, но скоро всё изменится, – худой расплылся в улыбке, перебирая в руках невесть откуда взявшиеся четки с белыми бусинами в виде черепов. – Помню, ты говорил, что в день моего пробуждения люди ждут бед и ненастий, да в рассветный час боятся носа из хаты высунуть?

– Некоторые да, но в основном живые умудрились растерять и те жалкие крупички знания, что их предки несли тысячелетиями.

– Думается, пришло время им напомнить, – худой поднял перед собой четки.

– Ты ему доверяешь? – кряжистый, словно вырезанный из выкорчеванного дубового пня, собеседник с опаской посмотрел в пустые глазницы бусинок-черепов, с жадностью уставившихся на побудника.

– Ты прав, – давний подарок исчез под плащом. – Сегодня мы обойдемся без заемной Силы! – громогласно возвестил худой и сквозь зубы продолжил: – Коли живые бед и несчастий ждут! Скоро получают.

Они вышли на открытый балкон. Потрескавшиеся стены и обвалившаяся кладка свидетельствовали об упадке этого места. О том, что его хозяин неумолимо теряет свою Силу. Под балконом простирались заснеженные просторы, далее видилась непроходимая чаща. На снегу в ожидании приказа стояли массивные белые волки – личная гвардия худого. Их ряды постепенно пополнялись выныривающими из-за деревьев бойцами.

– Мы не будем атаковать всеми силами? – удивился хозяин замка, с негодованием рассматривая собирающиеся отряды.

– Мы не сможем провести всю армию в Явь, только небольшой отряд, – виновато потупил очи коренастый. – К тому же на границе передовой отряд столкнулся с Баюном.

Худой гневно возрился на собеседника, но сумел сдержаться – время слишком дорого, чтобы тратить его на взбучку нерадивого вассала.

– Неужели Пряха решила вмешаться? И как она вывела наши планы?! – хозяин замка помедлил, успокаивая kloкочущий в груди гнев. – В другой раз подготовься лучше! – он перебирал в руках четки, понимая, что если сегодня атака провалится, то придется воспользоваться заемной Силой, которая позволит не только бодрствовать больше одного дня раз в четыре года, но и собрать в кулак всю оставшуюся мощь его дряхлеющего царства. – Много у тебя слуг среди живых?

– Не очень. Я планирую пройти через мельницу.

Худой дернулся, словно почувал что-то неладное, вышел с балкона и быстрым шагом направился к месту своей опочивальни, на ходу продолжая разговор.

– Выходит, забывают нас живые, не чтят старые капи, не блюдут заветы, предками данные?! – уже не в силах сдержать гнев, он сжал кулаки.

– Забывают! Даже имя твое нет-нет да исковеркают, или пёсьей кличкой нарекут.

Худой совсем посуровел.

– И как же они меня величают?

* * *

– Ой, не сюда! – Марья пискнула и отбежала от прохода, из-за которого раздавались шаги и гул голосов. Секунду назад ей почудилось, что шум исходит от противоположного коридора, поэтому она юркнула сюда, как ей показалось – в безопасное место.

Словно испуганными зайчатами, пойманными на воровстве капусты, метались мысли в юной головке. Добежать до противоположного выхода она не успеет. Перемежаемый гулом голосов звук шагов усилился, незнакомцы вот-вот должны были войти в просторный зал. Взгляд Марьи шарил по сумраку, не находя укромного местечка, где можно было бы притаиться. Источающий мягкое свечение саркофаг притягивал её взор, но залезть в него девочка побоялась. Дыхнуло холодом, как бывало в избе морозным утром, когда мамка с утра пошла за водой, позволив тебе лишние пару минут понежиться на кровати. Марья обернулась и, не помня себя от страха, юркнула в ближайший темный угол, укрывшись за постаментом, вершину которого окутал непроглядный мрак.

Грохот уверенной хозяйской поступи заглушал стук рвущегося из груди сердечка. Из коридора показались два силуэта, и девочка наконец-то смогла различить слова.

– А еще тебя называют немилостивым.

– И за что, хочется знать?! – говоривший закутался в черный плащ, задрал подбородок и с интересом изучал мрак просторного зала, то и дело, подергивая носом. – Я сплю по

четыре года, зла никому не чиню! Что ещё эти пустомели толкуют?

– Ты у них воплощение всех бедствий и несчастий, – его кряжистый спутник с интересом взирал на своего повелителя. Творящееся в зале его мало интересовало. – А ещё говорят, что ты злопамятный!

– Да-а-а?! – худой на миг оторвался от своего занятия и, подняв брови, уставился на собеседника. – Ну, это я им точно припомню! Злопамятный, значит! Сами забыли предков, богов не чтут, капи не посещают и чего хотят в ответ? Ладно эти, – он небрежно махнул рукой. – Те, кто занял Ирий, живым многое прощают, но мне думается, что пора напомнить людишкам про нас, – в его руках вновь мелькнули четки из белой кости. – Что-то ещё? Говори без утайки.

– Твердят, что ты скупой корыстник.

– Злато-злато, где же мое злато! – нараспев произнес хозяин замка. – Бережливость, видать, не в чести в Яви, что ж, это тоже исправимо! Вижу, это не всё?

– Ещё косоглазым кличут!

Его спутник сжал кулаки, просипев сквозь сжатые зубы:

– Ну, это ложь, как есть ложь! Мерзкая, наглая ложь! Я, значит, ещё и косою на глаз!

– Да, – втянув голову в плечи, прошептал детина. Он слишком хорошо знал норы своего владыки. – Так же ты у них осудный и немилосердный.

– Немилосердный! – усмехнулся хозяин замка. – Тут они правы: не видать им более моего милосердия! Готовь войско к выступлению! – Немилосердный! – он покатал это слово на языке, смакуя и облизывая губы. – А имя-то моё, имя хоть помнят?

Крепыш отступил на шаг, виновато склонив голову.

– Нет, не помнят! Почти все забыли твоего истинного имени.

– Что-о-о?! – копытами лихого коня, несущегося галопом, по залу ударило эхо.

– Касьяном тебя называют. Ненавидят и боятся.

Худой на краткий миг лишился дара речи, но тут же взял себя в руки.

– Скоро с этим покончим!

Долговязый расслабился и вопросительно посмотрел на укутавшегося в плащ собеседника.

– Ты задумал направить всё воинство?

– Ещё не время для решающего удара! Нужно накопить Силу и... – он резко замолчал. Очередной раз принюхался. Недоумевающе огляделся и посмотрел на своего спутника. – Чуешь?

Кряжистый крепыш смачно втянул воздух, недовольно двигая широкими ноздрями и виновато просипел:

– Не чую.

– Конечно, не чуешь! Потому что это моя кровь! – он помедлил. – Но и не только моя! – худой схватил путника за грудки, с легкостью поднял над землей и встряхнул. – Не доглядел!

Отбросив удивленного соратника, худой потянулся к поясу, где по обыкновению висел заветный меч, но перевязь с оружием отсутствовала, пальцы поймали пустоту.

Марью била дрожь. Она слышала про заговоры против Коцея-ядуна, но к своему горю, не знала его. Липкий страх потянулся по промерзшему полу от хозяина замка к ножкам девочки, цепко хватался за подол платья и, мурашками взбираясь по трясущимся ногам, деловито и неспешно поднимался к коленкам и выше, желая добраться до рвущегося вскачь детского сердечка, намереваясь утащить его в пятки или куда ещё.

Пальцы дрогнули, выпуская яйцо, которое тут же с металлическим звоном упало на мраморный пол, но не разбилось, что в затаённом ужасе ждала Марья, а, поднимая клубы пыли, поскакало в сторону отворяющейся двери, не замеченной ранее.

Замершие на месте спутники не обратили внимание на раздавшийся за их спинами скрип, их взоры были устремлены на затаившуюся за постаментом девочку.

– Хватай её! – оскалив острые зубы, прорычал худой.

* * *

– Мама, беда!

Не в силах задержать незваного гостя, слегка покосившаяся входная дверь недовольно скрипнула. Вошедшая молодая женщина устало выдохнула, машинально обивая ногу о ногу, дабы сбить снег. Снега не было. Точнее, он был там – за частоколом с черепами, а во дворе родной избушки его не было. Стремительный порыв наткнулся на пронизывающий взгляд хозяйки, которая была немногим моложе вошедшей, и тут же иссяк, растворился, словно капля воды в жаркой пустыне. В избе было душно. Тяжелый воздух давил на плечи, настойчиво приглашая присесть. Гостья не преминула воспользоваться невысказанным приглашением – знала, что спорить бесполезно, и, закрыв дверь, скинула тулуп, направившись к столу, подле которого стоял добротный сколоченный табурет. Морозный воздух, удобно устроившийся на плечах вошедшей, попытался проникнуть в избу, но тут же был встречен ароматом душистых трав, луковиц и корней, висевших на стенах и под потолком; успокаивающим запахом веселых краснощеких углей в очаге, ждущих свеженьких, доселе не облизанных языками огня дров; и едким, хоть и слегка приятным духом, источаемым котелком, стоящим на шестке печи, видать, хозяйка, помешивающая свое варево, только-только сняла отвар с огня. Пришедшая за подмогой выдохнула, исторгая из себя остатки прицепившегося по пути мороза – хотя она и знала тайные тропы, которыми можно было, миновав реку Смородину, напрямик попасть в отчий дом, но всё же не сумела избежать соглашения, – у зимы свои правила и своя Владычица! Как только последние дуновения холода пали, не в силах сдержать натиска духоты горницы, хозяйка, пробовавшая отвар, причмокнула губами и вымолвила:

– Ты как раз вовремя, Василиса.

– Марья в беде! – не обращая внимания на успокаивающий тон собеседницы, гостья попыталась встать, но тут же

отвлеклась на скрип с легкостью приоткрывшейся входной двери. В избу тенью не спеша протиснулся довольно облизывающийся черный кот.

– Почему сразу же в беде? – улыбаясь, умиротворенно проговорила хозяйка избушки, больше подходящая вошедшей на роль младшей сестры, нежели матери.

Василиса вновь попыталась встать, но Баюн направился прямым к ней и запрыгнул на колени. Пальцы привычным движением начали ласкать котейку, который в ответ громко замурчал.

– Мама, твоя внучка у Кашея...**(продолжение в полной версии книги)**

Перо Вещего Ворона (Воронец)

Примерно восемьсот лет до Купальской ночи

– Держи её, хвостатый! Держи! Сбежит!

Бело-палевый пузатый волчонок, смешно семеня тонкими ножками, поджав кучьей хвостик, бежал по едва появившейся траве. Он то и дело оборачивался – благо преследователи на этот раз не сразу заметили её исчезновение и были ещё далеко. Юркнул через прореху в изгороди, устремляясь к дремучему лесу – древнему исполину, манящему тайнами и тёмными тропами. В такт бегу подрагивали ушки, лапки с непривычки застревали в прошлогодней сухой траве, пушистый меховой воротник цеплял изжившие свой век колючки. Там, на огороженной частоколом полянке, царило вечное лето, всегда с сочной зеленью. Тут настоящая, не измененная чародейством жизнь. Волчонку даже воздух казался за изгородью иным. Щекочущий нос дух весны и приключений, будоража мысли, звал будущего грозу местной дичи осмотреть свои владения.

За забором послышались быстро приближающиеся шаги. Запыхавшаяся молодуха вытерла лоб и прильнула к щели между толстыми прутьями частокола, устало прошептала:

– Ищи её потом по лесам да болотам. Глядишь, ещё и стая какая подберет, да примет к себе.

В этот момент пушистый пепельно-черный кот с легкостью перемахнул частокол в два человеческих роста и в три прыжка оказался перед беглецом. Ничуть не испугавшись, что его нагнали, волчонок завалился на бок и перекувыркнулся. На землю ступили босые ступни взъерошенной девочки, которая, приподняв подол платья, тут же рванула прочь от преследователей.

– А ну стой! – в голосе девицы прорезался металл – шутки кончились.

Обернувшись, девочка показала розовый язычок, мотнула головой, от чего усеянная колючками копна соломенных волос

стремительно рассекла воздух, и, задорно хихикая, прибавила ходу, ловко увернувшись от бросившегося ей под ноги кота. Впереди ждала манящая свобода. Позади, на том месте, где приземлился промахнувшийся кот, поднимался невысокий воин в агатово-черном доспехе, полностью скрывавшем своего хозяина. Сквозь узкие прорези шлема преследователь внимательно следил за петлявшей меж деревьев беглянкой. Выждав краткое мгновение, латник сорвался с места, от чего кисточки на его коротких притороченных за спиной мечех резко дернулись, да так и остались висеть, служа шлейфом стремительного бега.

– Не догонишь! Не догонишь! – задорно хохоча, выкрикнула девочка, захлебываясь от смеха и ловко уходя от рук преследователя, который, как ни старался, не мог схватить верткую беглянку. – Догони! Догони!

Напрочь позабыв о желанной свободе и о том, что если её поймут – точно выпорют, девчонка меняла облик с звериного на человеческий, упиваясь игрой в кошки-мышки. Досадуя, что её идеальный план летел в тартарары.

До последнего уверенная, что на этот раз её побег не быстро обнаружат, девочка прокралась к выходу из избушки, спрыгнула с крыльца и прислушалась. Из избы доносился недовольный голос хозяйки. Уговаривать незнамо как приبلудившегося лизуна-жировика пришлось совсем недолго. Меньше её самой, шерстистое существо с человеческой головой, длинным языком и мохнатыми когтистыми лапками, тряхнув надетой набекрень меховой шапкой, с радостью согласилось отведать кашики, приготовленной на сегодняшний праздник, да сметанки из блюда кота. За этим процессом его и застала раздосадованная от столь дерзкого поведения мелкого духа хозяйка дома.

– Чуешь, что натворил! – вещал гневный голос.

– Чую! О, Великая! – испуганно пищал жировик. – Не губи! Сослужу службу!

– Ух и влетит же ему, – улыбаясь, прошептала девочка и, обернувшись волчонком, затрусил в сторону изгороди, низко прижимаясь к земле.

Но исчезновение заметили почти сразу. Беглянка не успела добежать до увенчанного черепами частокола, как по её следу вышла погоня. И теперь, уворачиваясь от преследователя, она стремилась отбежать как можно дальше от родной избы, и не беда, что всё равно догонят и накажу, лишь бы хоть одним глазком посмотреть на то, что находится за пределами высокого забора, за которым провела всю свою жизнь. Лес, доселе живший своим размеренным ритмом, замер: недоверчиво глядели высоченные ели, прервавшие шепот с ветром, настороженно взирало попрятавшееся зверьё, из-под ног лихорадочно разбегались муравьи и иная мелкота.

– Не догонишь! Не дого... ай! – она споткнулась о прыгнувшую под ноги кочку, чем спасла себя от пролетевшего над головой воина.

Девочка присела, потирая ушибленную ногу, озорно поглядывая на прижавшегося к земле, готового к прыжку преследователя, который, вместо того чтобы напасть, заговорил:

– Набегалась, непоседа?

Беглянка весело кивнула, выпалив:

– Не поймал!

– Ух и влетит тебе дома, – он приподнялся, не спуская глаз с девочки, готовый в любое мгновение кинуться вперед и схватить ребенка. – И за кашу, и за побег, и за мою сметанку! Додумалась тоже, жировика уговорила на разбой.

Девочка сверкнула изумрудными глазками, хлопнула огромными ресницами и озорно прокричала:

– Не поймаешь! Не догонишь!

Затем метко запустила преследователю шишкой в лоб и тут же рванула прочь, оставляя увернувшегося от брошенного снаряда воина позади себя. Витязь рыкнул и тенью скользнул меж испуганных, прижавших к стволам ветви, деревьев. Беглянку он догнал лишь на краю небольшой полянки, на которой копошились люди. Девочка, притаившаяся за

шероховатым стволom тоненькой ёлочки, как ни в чем не бывало повернулась к подошедшему преследователю.

– Что там такое?

Витязь положил руку на её плечо и, окинув происходящее мимолетным взглядом, ответил:

– Воронеж!

– Что это такое?

– Праздник прилета воронов!

– Праздник?

Девочка, всю свою короткую жизнь прожившая в пределах зачарованного частокола, с удивлением уставилась на происходящее, жадно всматриваясь во все детали действия. Людей она видела нечасто: просители, местный кудесник, да некие странные личности, – все, кто смел заходить к её матери. А точнее те, кого она пускала к себе, даря возможность отыскать среди чащоб домик на курьих ножках.

Над их головами раздалось требовательное карканье. Девочка с воином посмотрели вверх. На ветку величественной ели взгромоздился огромного вида ворон. Насмешливо изучив схватившегося за меч витязя, птица перевела взгляд черных глаз на неудачливую беглянку. От пронизывающего, даже не до костей, а до самых отдаленных уголков самости, взгляда, ей стало не по себе. Девочка ежилась, прижимаясь к ошестинившемуся преследователю, вставшему между вороном и своей спутницей. Это длилось несколько мгновений, но ей они показались вечностью. Широко взмахнув крыльями, ворон, качнувшись на ветви, с легкостью поднялся в воздух и скрылся среди темных крон. В груди заныло. До изнеможения захотелось рвануть вслед за величественной птицей, насладиться полётом и такой желанной свободой.

– Ты бы с ним не справился.

В нескольких шагах от них, опираясь на извивающийся посох, укутавшись в длинный плащ и прикрыв голову капюшоном, стояла высокая, стройная, как березка, молодуха, с пониманием смотрящая на раздосадованного воина.

– Мама, – девочка подалась вперед и тут же отпрянула в испуге, ожидая наказания за побег.

Но мать лишь сочувственно покачала головой и вымолвила, смотря вверх:

– Василиса, лови отцовский подарок. – Затем, помедлив, добавила: – Ты всё выпытывала у меня, кто твой отец. Вот и ответ. Как ни берегла я тебя – свиделись, – прошептала Макошь и натужно выдохнула, словно сняла с плеч непомерный груз. Её страхи относительно намерений Чернобога не оправдались. Но как она чуяла – это лишь временно.

На протянутую ладонь растерянной девочки плавно опустилось черное воронье перо.

* * *

– Ворона за море летала, да так вороной и вернулась! – проговорила Макошь, поднимая с земли принесенную корзинку, из которой вкусно пахло приправленной маслом кашей.

– За море? – Василиса, не смея подходить близко, с интересом покосилась на прикрытый платком горшочек – и когда только мама успела сварить новую кашу, ведь предыдущую совсем недавно слопал жировик, но вслух спросила о другом: – А что она делала за морем?

– Гостила, – вымолвила молодуха, больше подходящая на роль старшей сестры, чем матери озорной девчонки. – Вороны прилетели, скоро и праздник начнут. – Она переложила увесистую ношу из одной руки в другую, перехватила посох и, мимоходом бросив взгляд на нырнувшего в кусты черного кота, отодвинула широкую еловую лапу и вышла на поляну.

– Диковинно тут всё, – оказавшись в незнакомом людном месте, Василиса невольно прижалась к матери, с любопытством осматривая всё кругом.

Их заметили не сразу. С начала один скользнувший по прищелицам взгляд, затем другой. И только когда мать с дочерью подошли к статному старцу, стоявшему с отроками

подле изгороди, окружившей высокое грозное изваяние, вырезанное из массивного ствола дерева, люди обратили свои удивленные взоры на гостей, дивясь и перешептываясь: только что никого не было, и вот они появились, словно из-под земли возникли. Несмотря на то, что все деревенские знали про хозяйку местных чащоб, а некоторые даже были у неё в гостях или отпаивали своих детей травяными настоями, приготовленными ею, – мало кому удавалось лицезреть Макошь лично. Она была у них на многих праздниках: помогала, советовала, лечила, но каждый раз людская память, словно горячий песок, растворяла воспоминания об этом, оставляя после себя светлое забвение. Немногим избранным было дозволено помнить.

Уход из Ирия, после того как Враг впервые проявил себя, поражение Чернобога и потеря им меча-кладенца, а затем начало разделения единой Сварги на Прав, Явь и Навь, приблизили её к живым. Великая Мать связала свою судьбу с людьми, с живыми и этим местом, которое в скором времени, знала она, преобразится, закрутив потоки Силы вокруг себя, и станет ещё одним переулком миров Великого Кузнеца. Но это всё случится потом, а сейчас ждал праздник и обрадованный её приходу взор кудесника Велемудра, один из немногих ведавших, кто на самом деле поселился на болотах за спокойными водами Влесова Ключа – тонкоструйной речушки, на которой и стояло поселение.

– Здоровья вам, гости дорогие! – улыбающийся кудесник шагнул навстречу Макоши и спрятавшейся за её спиной Василисе и поклонился в ноги.

– Здравия и тебе, великий и мудрый! – молодуха откинула капюшон, обнажая рогатую кичу, осмотрелась, пристально всматриваясь в лица людей, которые тут же оставляли своё занятие и молча кланялись. Василиса сильнее прижалась в маминой ноге. Макошь довольно продолжила: – Вижу, растёт твой славный род, кудесник! Растёт и крепнет!

Велемудр поднял руки, дескать – полно вам, и люди неспешно вернулись к своим заботам.

Затем ответил:

– То не мой род, великомудрая. Род Славича – он сейчас старший в поселении.

– Твой первенец, – улыбнулась Макошь. – Помню, как перепекала его. Ваш род ведёт своё начало от медведя – хозяина этих мест.

– Ты мудра и прозорлива, – он склонил голову. – Мне ведомо место, откуда берет начало наша речушка. Мои предки читли то капище и его хозяина, жаль, что ныне нет нам пути в те края!

Макошь улыбнулась, тоскливо думая о том, что и к ней в скором времени люди не смогут отыскать дорогу – мир менялся на её глазах. Изменения, практически незаметные для живых, неслись перед её глазами пуше борзой, устремившейся за зайцем.

Тем временем, не вникая в разговоры взрослых, Василиса с интересом наблюдала за кипящей на поляне работой. Мужчины правили столы, подмытые весенним паводком. Бабы сутились подле котлов, от которых шел тревожащий брюхо аромат. Поодаль раздавался стук топора.

– Ты погуляй, осмотрись, – Макошь потеряла дочь за плечо. – Хотела посмотреть, что находится за изгородью? Дерзай! Только с поляны ни шагу и к тому столу, – она показала на только что сколоченный массивный стол, стоящий ближе к лесу, отдельно от остальных, – Ни ногой! И не вздумай сжигать подаренное перо – иначе быть беде!

Василиса нерешительно отпустила подол материнского плаща. Новый мир манил её, но одновременно и пугал.

– Почему нельзя сходить туда? – девочка проследовала за взглядом матери.

Одинокий стол находился рядом с несколькими отдельно стоящими березками, молодыми и тонкими. Парни выкладывали на него свежесваренную кашу, а девицы привязывали к веточкам берез лоскутки и ленточки, а где-то и мелкие монеты.

– Видишь, развешивают? – указала Макошь и после кивка дочери продолжила: – Это дары духам леса и Ворону.

Тем временем мужчины, раскладывавшие кашу на столы, закончили своё занятие и принялись развешивать ленточки и лоскутки, но не на березки, а на росшие за ними важные осанистые ели.

– Духи могут утащить меня? – недоверчиво вымолвила девочка.

– Не духи, – Макошь пристально посмотрела ей в глаза. Словно решив что-то для себя, продолжила: – Ворон сможет.

– Тот, который подарил мне затейливые перышки? – девочка ничуть не утрашилась возможной участи.

– Именно.

– Но почему...

Макошь не дала ей договорить, приложив палец к губам дочери.

– Тебе нужно меня послушать и держаться от того места и от этого Ворона подальше! Ты поняла меня?

Зная характер матери, Василиса кивнула головой, не смея послушаться и уж тем более перечить ей. Девочка чуяла, что этот запрет куда посерьезнее наказа: не выходить за частокол.

– Прилетели! Прилетели! – завопил тоненький детский голосов, тут же подхваченный остальной детворой.

– Праздник начинается, – Макошь улыбнулась дочери. – Люди верят, что тем, кому повезет в этот день увидеть ворона, судьба до следующего березня будет преподносить счастливые дары. А сегодня смотри их сколько.

Василисе на миг показалось, что над лесом встала грозная туча. Но нет, уже через мгновение стало ясно, что это летят птицы. Она съежилась, когда в уши ударило громкое карканье и шелест множества крыльев. Зажмурилась, не веря своим глазам, но когда, проморгавшись, вновь их открыла, то едва не закричала от испуга. Она стояла среди белокаменных стен древнего замка с развалившейся крышей. Сквозь прорехи обваливающегося свода ей были видны вороны, кружащиеся тремя кольцами: внешние противосолонь, внутренний посолонь. Ей чудилось, что тут есть кто-то еще, но видение вдруг дрогнуло, сотрясаемое ударами маминогo голоса.

– Василиса! Василиса! – взволнованная Макошь трясла дочь за плечи.

– Что? Где я? – девочка ошарашено огляделась. Праздничная поляна, небольшая стайка воронов, летящих над лесом.

– Сейчас здесь, со мной! – Макошь обняла дочку и украдкой прикоснулась к спрятанному за поясом веретену. – Но вот вопрос: куда тебя хотели утащить. – И добавила одними губами: – Неужели происки твоего отца? Мне надо подумать.

Возвращающиеся в родные края в потоках первых весенних ветров вороны благодушно приняли угощения, устроив гвалт. Совсем скоро и у людей будет совместная трапеза – вот только заворчат, забормочут котелки, да насытятся сбитень. Детвора будет вкушать угощения и слушать стариков. Их сказы о воронах – легенды, а быть может, и реальные истории. А пока ребятня, похватав кусочки хлеба и иной снеди, бросилась к воронам.

– Держи хлебушек.

Один из пробежавших мимо мальчуганов одной рукой сунул Василисе кусок хлеба, а другой ухватил девочку и потянул за собой.

– Мне нельзя, – попыталась отбиться Василиса, но перевес сил был на стороне мальчишки, да и Макошь, погруженная в свои раздумья, брела к суровому истукану, вырезанному из дерева, не обращая внимания, что творится с её дочкой.

– Бросай, – мальчишка продемонстрировал, что нужно делать.

Собрав с праздничного стола лакомые кусочки, дети бросали их в сторону леса для Ворона, бросали и просили успеха в начинаниях, удачи, благополучия.

– Вороны, вороны! – нараспев прокричали дети.

– Принесите нам на крыльях теплых солнечных деньков!

– Да удачи три лукошка!

– Здоровья и благополучия в дом!

Неожиданно резкий поток ветра ударил в живот Василисе. Девочка охнула, с испугом наблюдая, как подаренное перо,

влекомое шквальными порывами, несется напрямиком к костру кухни, где тут же и сгорает.

– Нет! Остановись! – вскрикнула опомнившаяся Макошь, протянула руки к дочери, но было уже слишком поздно.

За мелькнувшим в кронах деревьев большим черным вороном в небо поднялась птица поменьше.

* * *

– Кр–ррар!

Руки Василисы разрезали щекочущий воздух. Нет, не руки – крылья. Чёрные массивные крылья. Она упивалась полётом. Наслаждалась неопишуемой свободой, недоступной всякому, кто не рожден летать. Девочка радовалась и, одурманенная потоком чувств, пела, но из острого клюва по округе разносилось только затяжное карканье.

В груди ожил вулкан, готовый в любой миг разразиться кипящей жижей. Он неумолимо тянул вперед и вверх, поднимая Василису над землей всё выше и выше. Она чувствовала кипящую в ней Силу. Так бывало каждый раз, когда она обращалась в волчонка или же прикасалась к глубинам своего естества, выполняя указания матери, которая обучала дочь ворожбе и чародейству.

Но если её ощущения можно было сравнить с бурлящим вулканом, то в том, за кем следовала Василиса, девочка чувала нечто схожее с пылающим Солнцем. Сила большого черного Ворона ослепляла, манила и призывала забыть себя и лететь за ней. Девочка попросту не могла отвести от спутника взгляд. С каждым взмахом крыла крупинцы памяти о былой жизни высыпались, будто из прохудившегося мешка, и летели на бrenную землю, где остались уютный дом на курьих ножках, взволнованная, не находящая себе место мама и чёрный котёк, прижавшийся к ноге хозяйки, и так же, как она, всматривающийся в две удаляющиеся черные точки.

– Кар-рр-кар!

В карканье спутника Василиса могла четко разобрать: «Лети за мной, Дитя Силы! Лети, не отставай!» И она летела. Летела, несмотря на обжигающий холодом ветер, усталость неокрепших крыльев, гнетущую тоску по покинутому дому, о котором Василиса забывала с каждым новым взмахом крыльев.

Она не ведала сколько продолжался полёт: день, седмицу, а то и больше. Когда на краешке окоёма показался замок, кажущийся игрушечным, у Василисы начали отказывать руки-крылья. Силы покидали измотанную девочку. Опасливо поглядывая на стелющийся внизу лесной ковер, боясь, как бы не свалиться на деревья, она не сразу заметила, что черный Ворон сделал широкий круг, подлетел к ней и каркнул:

– Держи!

Василису окатила теплая волна, вызвавшая приятное покалывание во всем теле. Сил изрядно прибавилось. Лететь стало гораздо легче: воздух больше не душил её, а небо над головой не прижимало к земле.

Замок приближался очень быстро. Вот уже показались башенки, украшенные затейливой лепниной балкончики, надменные пики бойниц и темные прорези окон. Затем стали различимы кладка и черепица крыши. Караула или иной охраны не наблюдалось, замок выглядел уныло безлюдным.

Смело влетев за своим спутником в распахнутое окно, Василиса едва не врезалась в стену, благо ударившийся об пол ворон, обернувшийся высоким худошавым мужчиной, успел перехватить начавшую менять облик девочку, прошептал:

– Вот мы и дома, дочка.

– Дом! – это слово отозвалось ноющей пустотой в груди. Свербящее чувство потери не оставляло Василису ни на миг, но она не понимала почему. И что такое дом? Этот замок её дом? Или был какой-то ещё? Кажется, был, но почему она не помнит о нём?

Василиса с интересом взглянула на отца. Ощущение родства не покидало её и в процессе полёта. Но лишь сейчас это чувство обрело имя – настоящую форму, начиная её

обживать. Так вода, помещенная в затейливого вида сосуд, пусть и на время, принимает его очертания. Хозяин замка был неимоверно худ, но при этом казался крепким, способным выдержать любой удар. Одетый в легкий вороной доспех с тяжелым плащом за спиной, он и в образе человека чем-то неуловимо напоминал ворона. Девочка с интересом и завистью взглянула на остроконечную корону отца, хмыкнула, понимая, что всегда знала, как она выглядит, но сейчас словно видела её впервые.

Истолковав реплику дочери как вопрос, Чернобог, улыбаясь, вымолвил:

– Воронец отмечают не только живые, но и вороны!

– Воронец?! – что-то смутное шевельнулось в её груди, но память так и не смогла нарисовать четкий или хотя бы более менее различимый образ.

Хозяин замка продолжил:

– Птицы в этот день переселяются в новые гнезда и отпускают в самостоятельную жизнь молодых воронов.

– Ты меня хочешь отпустить? – Василиса недоуменно посмотрела в глаза отцу, не понимая, к чему он начал этот разговор. Полетали и вернулись домой! Причем тут переселение в новое гнездо? В голове девочки мелькнула неприятная догадка: – Ты меня намереваешься выгнать? – она уперла руки в бока. – Я из своего дома ни шагу, так и знай! – и топнула ножкой.

По лицу Чернобога скользнула тень улыбки – он добился, чего желал. Хозяин нового, Навьего, царства – одного из трех осколков раздробленной Врагом Сварги, – привел в дом наследницу, которая должна будет родить ему внука. Мир менялся на глазах. Его братья и сестры восприняли изменения совсем не так, как ожидал владыка дальних пределов старого Мира. Единства не было, а потеря Меча–Кладенца перевесила Силу на сторону противника, пока ещё слабого, но, зная, кем он является, хозяин Нави понимал, что этот миг очень краток. Именно тогда Макошь предложила попробовать не брать крупицы Силы у живых – младших детей Прародителя, а дать

им толику себя, создав Детей Силы. Но это обернулось против них самих.

Чернобогу нелегко далось бегство из Зачарованного Края, которому отныне суждено называться Забытым. Спрятанное там оружие до времени должно остаться сокрытым от Врага и всех остальных. Хотя сам Чернобог не был уверен, что ему вообще будет суждено взять частицу небесного камня, запечатлевшего в себе момент могущества Прародителя – Силу, которая не была разлита по созданному им Миру, а так и осталась скоплением Звездной пыли. Но, может быть, его внуку это будет под силу? Властитель Нави и сам не понимал, почему так решил. Может, случайная обмолвка Макоши, которая тут же отказалась от своих слов, сославшись на оговорку. Но он точно знал, что его соратница говорила правду: Силу, пока её не забрал Враг, можно передать по мужской кровной линии. Как выяснилось, её нельзя полностью перенести в Детей Силы – тут бы Чернобог не колебался, но в их отпрысков, по слову Макоши – можно. Чернобог не сомневался, что пряха вырастит из Василисы сильную ворожею, но не вытерпел и решил сам заняться её воспитанием. К тому же так проще контролировать и выбирать женихов.

В отличие от остальных братьев и сестер – старших детей Прародителя, во властителе Нави жили осколки безначальной тьмы Космоса, треснувшего и рассыпавшегося на несчетное количество кусочков, когда Сила изначального Света пронзила эту мглу, через краткий миг отдав себя новому Миру и породив Небесного Кузнеца, который довершил начатое. Оттого Чернобог видел недоступное остальным. Потому за ним и не последовала большая часть братьев и сестёр, решивших остаться в стране, ныне ставшей Ирием – небесным садом.

– Поостынь! – в голосе отца ежами ощетинились властные нотки. – Никуда я тебя не выгоняю. Ты вымоталась! Иди, отдохни после полёта. Затем трапеза и продолжим учебу.

Василиса кивнула, повернулась к двери, соображая, где же находится её комната, и замялась на месте.

– Оте-ец... – протянула она.

В глазах Чернобога загорелся интерес – справится али нет?!

– Многое скрыто от наших глаз и ушей, да и память со временем порою играет злые шутки, и выжить можно только благодаря Силе, которая в нас заложена. Используй её!

Девочка задумчиво кивнула. Затем перекувыркнулась через плечо и, превратившись в волчонка, под заинтересованным пристальным взглядом отца выскользнула в пустынный коридор, остававшийся таким уже долгие столетия.

– Непоседа, – довольно произнес он. – Вся в мать.

* * *

– Отец, у меня не выходит!

Светловолосая стройная девушка стояла на высоком каменистом утёсе лицом к закату. Неугомонные порывы ветра трепали её и без того непослушные волосы. Впереди простирался океан, алчно, но без лишней спешки, поедаящий Солнце. Чуть позади потрескивал костер, танцующее пламя которого никак не хотело простереться ниц перед хозяином этих краёв, несущим с морских горизонтов неласковые, обжигающие холодом объятия.

– Неужели ты собралась вечно перекидываться в зверей? Учись управлять Силой, не позволяй ей понукать тобой!

Стоявший за спиной девушки наставник едва сдерживал накатывающие приступы ярости. То, что для него было естественным, ученица могла повторить с превеликим трудом.

– Что в этом плохого? – девушка вздернула нос. – Теперь я могу и птицей, и рыбой, и зверем и даже комаром обернуться – твоя наука!

Сухие крепкие пальцы легли на её плечо, стремительно разворачивая лицом к собеседнику.

– Василиса! – Чернобог навис над дочерью, повзрослевшей и вытянувшейся с их первой встречи. – Если бы я хотел заполучить персональный зверинец в одном лице, то попросту поворожил бы с кем-то из своих оборотней. Но! – Он воздел перст к небу. – В нашем случае твоё умение оборачиваться, отмечу, довольно умелое, всего лишь промежуточная точка. Оборотня гонит вперед сидящий в груди зверь. Ты же должна получить власть над своим естеством для того, чтобы в дальнейшем...

– Что в дальнейшем?! – девочка фыркнула, перебивая наставника, отчего его веки ещё больше налились свинцом – грозowymi тучами, вот-вот грозящими неминуемой карой. Не обращая внимания на настроение отца, Василиса заносчиво продолжила: – Ты в последнее время ведешь себя так, словно готовишь меня к замене тебя на троне.

Глаза Чернобога вспыхнули, но он сумел сдержать гнев в себе и тут же насмешливо улыбнулся. Хозяин Нави видел в дочери себя молодого. Такого, каким он никогда не был, но мог быть – у первых отпрысков Прародителя не было детства, грозы, ураганы, светила, Сила скрытая и явная – являясь частью былого исполина, пришла в новый мир уже взрослой и полностью дееспособной.

– Глупая! Тебе не снести моей короны, – он ткнул ей пальцем в живот. – Ты даже с собой справиться не в силах.

Василиса топнула ножкой, отвернулась и, сжав губы, решительно повторила попытку. Тепло в груди отозвалось на удивление быстро. Ах как она не любила эти моменты, когда нужно стоять или сидеть неподвижно, порою часами, и обуздывать столь непослушное своё же естество, как любил выражаться отец: «Неразумно даренное столь бестолковой девчонке». Как прекрасны были первые годы обучения: игры с перевоплощением, лесные догонялки и охота со стаей белоснежных оборотней – личной гвардией хозяина Нави. По неясной причине память девочки не могла заглянуть ранее того головокружительного полёта с отцом, когда, как ей казалось, она впервые посетила родной сердцу замок. Отчего и почему это происходило, Василиса не ведала, часто

задумывалась об этом, но с расспросами не лезла. Чернобог лелеял, бережно пестовал Силу, заложенную в дочери. Обучал управлять, не подчиняя.

И вот наступило отрочество. Василиса ждала обещанных новых знаний и, что называется – дождалась! Наука тут же превратилась в муку. Травы, корешки и жизнь чародейки-перевертыша были моментально отброшены, и отец полностью изменил свой подход и в целом отношение к дочери. «Тебе нужно овладеть Навьим царством в себе самой», – заявил он на первом уроке после её очередного дня рождения, за дату которого по негласной договоренности считали их памятный полёт. «Для этого нужно пройти огненную реку, лес обреченных и преодолеть снега Мораны в себе самой, чтобы достичь истока собственной мощи, где и хранится ключ к твоей Силе», – продолжил хозяин Нави. Сказать оказалось гораздо проще, чем сделать.

Василиса чувствовала упругий клубок, свернувшийся у неё в груди. Там давно не бушевал вулкан. Чернобог первым делом научил её обуздывать разгорающееся пламя, дабы не растратить всю Силу понапрасну. Но всерьез управлять своим даром он начал обучать только сейчас. Черный шар, желающий впитать в себя абсолютно всё, ожил, почуял внимание к себе и тут же обжог девочку, словно по рукам дал – не трожь, не твоё! Василиса сжала кулачки, усилив мысленное давление. Неожиданно шар поддался, выпуская робкие черные щупальца, потянувшиеся к рукам и ногам юной чародейки. Кожу обдало жаром, словно его накалили на огне. Затем жар сменился приятным покалыванием, так бывает, когда отсидишь ногу, а затем пытаешься быстро встать. И пришёл холод. По венам Василисы поплыли пышущие холодом льдины. Девочку начал бить озноб, и она опустила руки, выдыхая.

– Ну вот! Я же говорю тебе, что не без толку!

– Ты рано сдаешься!

– Да к чему всё это?!

– К чему? Мир неумолимо меняется. Ни я, ни остальные не смогли и не сможем остановить эти изменения. С тех пор как

ты здесь очутилась в мире явном прошли столетия. Внуки Прародителя, дети Дажьбога, как они себя называют, изменились, начали забывать нас, и те, кто подпитывался их Силой, стали хиреть и вырождаться. Я знаю, как передать своё могущество, но для этого нужен тот, кто сможет его принять.

– Да не нужно мне твоё могущество! – девочка отстранилась от отца. – Своего достаточно! Смотри!

Она в очередной раз обратила свой взор вглубь себя. Её вновь обдало жаром, а затем по телу побежали резвые мурашки. Настал черед холоду. В этот момент Василисе послышался женский смешок, но она не стала отвлекаться, решив во что бы то ни стало доказать отцу, что сумеет. В ушах затрещало, словно поблизости начал крошиться лёд. Из носа девочки потекла липкая струйка. Под ногами на замшелых камнях появились алые крапинки. Но, несмотря на дикую боль в висках, тоненькие щупальца, тянувшиеся из груди по телу, впервые достигли её вспотевших ладошек, обвивая запястья, словно живые браслеты. Одновременно с этим шар в груди начал раскрываться, даря телу неописуемый восторг и свободу – Сила готова была действовать. «Нет же!» – недовольно подумала Василиса. Пользоваться Силой и ворожить она умела. Для неё не составляло труда зажечь в ладони огонёк или передвигать предметы с помощью своего дара. Но сейчас нужно было другое – не тратить, а научиться подпитывать своё существо, заимствуя Силу Мира, ведь в каждом изломе бытия была частица Прародителя. А это значит, что этими частицами можно и нужно делиться или же вбирать в себя.

Ветер закружил вокруг Василисы, сделавшись ласковым и нежным. Пламя костра потянулось в её сторону, неестественно выгнувшись. Даже волны бескрайнего океана начали биться внизу об скалы, видимо, желая поскорее добраться до призывающей их. Девочку трясло. Она словно стала плотиной перед бушующим горным потоком – снесет в краткий миг! От кончиков пальцев к груди поднималась почти незаметная пульсация.

– Слишком много зачерпываешь! – голос Чернобога вывел её из оцепенения, вынуждая прервать процесс.

– У меня получилось! – глаза Василисы торжественно горели.

– Для первого раза вполне, – хозяин Нави тут же стал серьезнее.

– Коли всё так легко, почему ты сетуешь на то, что живые начали вас забывать? Вам должно быть без разницы – берете Силу где угодно, черпаете сколько хотите.

– То, что много для тебя – крупницы для нас. А взять, сколько нужно, самостоятельно мы не можем, или почти не можем. Иначе любой возжелавший собрал бы всю Силу в себя и вернул Мир в исходное состояние – в небытие.

– Получается, ваше могущество зависит лишь от людей?

– Не совсем так, хотя мы тесно связаны с внуками Сварога. Но об этом позже.

– Ты доволен, что у меня наконец-то получилось? – Василиса привстала на носочки, вглядываясь в застывшие глаза отца.

– Тебе ещё нужно научиться держать себя в узде. Тебя либо несет невесть в какие дали, либо ты попросту не можешь пробиться к своему естеству. Видать, влияние твоей матери!.. – вымолвив это, Чернобог досадуя, что сболтнул лишнего, сжал губы.

– Матери? – в груди кольнуло.

Василиса никогда после своего похищения не вспоминала Макошь и вообще не задумывалась о матери – чары отца действовали безотказно.

– Попробуй ещё раз, – Чернобог решительно проигнорировал неприятную тему.

– Почему ты мне раньше не говорил о матери? Кто она? Где? Может, страдает и ей нужна помощь, а я тут? – девочка захлопала ресницами, к глазам подступила влага.

– Василиса!

– Почему ты скрывал? Почему я никогда не задумывалась? – отгоняя слезы, глаза девушки сузились, в них родилось яростное пламя. Взволнованное сердечко своими ударами разрывало грудь. – Я её найду!

Этими словами она шагнула в пропасть, над которой через секунду взлетел угольно-черный ворон. Чернобог не стал её преследовать, видел, что в дочери, растревоженной мыслями о матери, проснулась вторая половина её самости. Да и были дела поважнее – Враг вновь проявил себя. А эта дуреха – пушай летит. В ней было слишком много от Макоши, искусство которой ему таки и не удалось подчинить, пусть даже оно и было слито с его собственным естеством внутри их дочери. Полетает и вернется! Ежели нет – тогда придётся вернуть!

Василиса парила, умело подставляя крылья упругим потокам ветра, надрывно зовя:

– Мама, мама!

А люди внизу, слышав воронье карканье судачили, переругиваясь, и махали кулаками ей вслед.

– Слышал? Слышал!

– Да!

– Она прокричала: «Кровь! Кровь!»

– Проклятое воронье!

– Видать, чью-то смерть на крыльях несёт.

* * *

– Кр–ррар!

С каждым взмахом крыльев робкими шажками возвращалась изменщица память. Годы, прожитые в замке отца, казались чем-то очень далеким, сказочным. Оглядываясь назад, Василиса словно вспоминала хорошо забытый сон, который стремился унести всю правду в покинутый мир грез. Напротив, воспоминания о том злосчастном дне, когда она – дуреха дурёхой – решила разведать, что находится за таким родным и уютным частоколом с человеческими черепами, возвращались, заставляя сердце сжиматься от безмерной тоски. Но почему мама не искала её? Не ворвалась в замок – средоточие Силы отца? Почему не прислала весточки? Или прислала? Девушка вспомнила случай на одной из вылазок с волчьей стаей, когда ей пришлось ставить на место одного из

зазнавшихся воевод Чернобога, его, кажется, Волком звали. Тоже имечко: Волк. У него ещё два товарища: увалень Медведь и дуралей Кабан. Тогда девушке почудилось, что она мельком видела Баюна, но в пылу свары не придала этому значение.

Ожившая в груди Сила, не та, которую за время житья с отцом Василиса училась обуздывать, иная Сила – нежная, мягкая и одновременно готовая сечь словно серп, гнала девушку вперед, указывая путь. В груди было легко, хотелось петь. Ей чудилось, что раньше у неё жила лишь одна половина сердца, теперь же сердце билось в полную силу. Бережно сливая воедино пробуждающийся в её груди огонь вулкана и обманчивую податливость земли, Василиса набирала невообразимую скорость, одним взмахом крыльев преодолевая вёрсты. Родной дом близко – она чуяла это.

Глянув вниз, девушка вздрогнула. Присмотрелась левым, затем правым глазом. Ковер леса внизу разрежала огненная змея, медленно текущая в неведомом направлении. Василиса опустила крыло, уходя в вираж, одновременно сбрасывая скорость и снижаясь. Она точно помнила, что в прошлый раз, когда они с отцом летели тут впервые, ничего подобного не наблюдалось. Не об этих ли изменениях толковал властитель Нави? Лес продолжался и за рекой. Только он был странен – разительно отличался от того, над которым пришлось лететь – деревья ниже и тоньше, заволочен прозрачной пеленой тумана, казалось, находится за мутным стеклом.

– И откуда здесь эта река взялась?

Василиса сделала очередной круг и, не увидев ничего интересного, неспешно разрезая крыльями туман, полетела в нужном ей направлении, оставляя чадающую жаром реку – экая невиданная диковина за её спиной.

– У мамы нужно расспросить, откуда она взялась в наших краях.

Сердце подсказало, что до дома осталось несколько вёрст, когда на одной из лесных полянок Василиса заметила опрокинутую наземь телегу, подле которой были беспорядочно разбросаны вещи и кто-то лежал ничком.

Василиса сделала круг над поляной и, не заметив внизу движения, с разгону ударилась оземь, принимая свой истинный облик. Девушка боязливо огляделась, в её ладони затеплился огонёк, готовый в любой миг сорваться и сразить любого дерзнувшего напасть на неё. Макошь всегда помогала людям, и её дочь, терзаемая муками совести, что так просто позабыла и, выходит, отказалась от матери, решила не пролетать мимо чужой беды.

Всё в этом месте казалось чуждым: колющая трава под ногами, дурманящий нос запахи, шелест перешептывающихся деревьев, звуки замирающего при её приближении леса. Василиса не замечала, насколько жизнь в замке Кощея изменила её. Мир Яви нехотя принял былую беглянку.

Сделав пару робких шагов, Василиса выпрямилась и направилась уверенной походкой к лежащему на земле человеку. Огонь в ладони погас – ни к чему он, да и что могло случиться в её родном лесу, пусть она и не успела как следует изучить эти чащобы. Человек лежал, сжимая меч. В шеломе, закатившемся за колесо опрокинутой телеги, девушка учуяла дурманящий запах крови. Василиса вздрогнула, встрянула головой, избавляясь от наваждения, пробуждающего в ней зверя – массивную белую волчицу, затаившуюся где-то на задворках её самости. На голове лежащего зияла открытая рана. Девушка наклонилась, желая прикоснуться к ней – вместе с памятью вернулись и умение врачевать, которые частично Макошь всё же успела передать дочери. Неожиданно на лице павшего воина проступила довольная ухмылка, глаза открылись и пристально уставились на вздрогнувшую от неожиданности девушку. В глазницах незнакомца плескалась тьма.

– Попалась! – рука лежащего отпустила рукоять меча и схватила оторопевшую девушку за ногу, резко дернула на себя.

В глазах Василисы загорелся ярящийся огонь, но она не успела ничего сделать, свалилась кулем рядом с поднимающимся недругом, которого нисколько не заботила сочащаяся кровь из раны на голове.

– Вот ты-то нам и поможешь, – проговорил второй нападавший, все это время таящийся за кустами, чтобы в нужный момент выскочить и садануть попавшей в капкан жертве по затылку.

– Это оказалось проще, чем мы думали, – поднявшийся разбойник улыбнулся, оскалась, в его глазах пульсировала темная бездна. Он провел рукой по голове и рана тотчас затянулась. В воздухе запахло едкой плесенью. – Быстро управились! Всё оказалось проще пареной репы! Зря нас Тёмный страшал, мол, дело опасное, – он ещё шире улыбнулся, обнажая два ряда острых игл-клыков вместо человеческих зубов. – Пора в путь, братец. Награда ждет нас, – он уже направлялся в заросли, где были стреножены кони, но был остановлен подельником.

– Ты погоди, Василий! – сидевший в засаде погладил дубину, которой только что попотчевал Василису. – У такого ворона, – он кивнул в сторону раскинувшей руки девушки, – точно должно быть золотишко где-то припрятано!

Василий прищурился.

– А ты, Дмитрий, не боишься, что Он прознает?

– Как же Он прознает, коли мы ему не скажем? – он загоготал, но тут же посерьезнел, сжав свободной рукой плечо брата. – Ведь не расскажем?

* * *

Сознание пришло не сразу. Первым пожаловал стук в висках, затем подступила тошнота. То откатывая, то снова наступая, словно безразличный ко всему на свете прилив, мир взял Василису в объятия, во что бы то ни стало намереваясь вернуть её в свою юдоль. Веки дрогнули, не желая отворяться, но она пересилила себя. Перед глазами стояла полупрозрачная пелена, взгляд уперся в зеленый ковер. Покачиваясь, она подняла непослушную голову. Дернулась, увидав двух молодцов, вскочивших с телеги, как только девушка устала на них мутный взор. Потянула сведенные за тонким деревцев руки, к которому стояла спиной. Перемазанные чем-то

скользким и неприятным, они не слушались. Попробовала призвать свою Силу – тщетно, в груди жила пустота. Попробовала ещё раз – едва различимый запах плесени, разносившийся по округе, многократно усилился.

– Очухалась!

– Оклемалась!

С опаской подошедшие к ней братья ждали подвоха. Хоть и уверял их незнакомец, сулящий многие награды, что с помощью его дара они легко сладят с девушкой, способной перевоплощаться в ворона, но они всё равно до конца не верили в это. В глазах разбойников жила тьма, непроглядная ночь вместо глаз бездонными пропастями уставилась на трепыхающуюся пленницу.

– Ты смотри! – Василий потряс перед носом Василисы мозолистым кулаком.

– Не балуй у нас! – Дмитрий угрожающе занес дубину. – Чародейка, – проговорил он с презрением.

– Говори, где клад зарыт?

– Ммм, – только и смогла промычать испуганная девушка.

– Ты это, кляп-то изо рта вынь, – Дмитрий толкнул брата локтем, продолжая потрясывать дубиной, и обратился к пленнице: – А ты не балуй! А то мы живо, – он провел открытой ладонью перед её лицом, затем резко сжал руку в кулак, тряхнув. – Ууух! И все концы в воду! Усекла?

Василиса, прекратившая бесплодные попытки вырваться, замерла и покорно кивнула. Кляп вышел изо рта только с третьей попытки. Василий тут же отстранился на шаг.

– А теперь говори! – Дмитрий придвинулся к девушке.

– Отпустите! – по лицу Василисы скользнули слезы. – Я к маме хочу!

– А ну! – Дмитрий тряхнул пленницу. – Прекращай ныть! Нам всё ведомо!

– Ведомо-ведомо, – горя от нетерпения, вступил Василий. – Говори, где клад зарыла?!

– Какой клад? – застонала девушка. – Я к маме, к маме летела.

– А ну, не заливай нам! – подле головы пленницы ударила дубина Дмитрия, сотрясая тонкий ствол и дробя брызнувшую трухой кору. – А то!..

Брат его перебил.

– Всё мы про тебя знаем. Вороны обладают сокровищами и хранят клады, спрятанные в земле! А у такого ворона, как ты, знамо клад имеется! Тем более, – он потряс указательным перстом перед её лицом, – ты тут летаешь. На границе с царством Кашеевым.

– Знамо, что не просто так.

– Кашеевым? – удивилась Василиса, пытаясь вспомнить: кто такой этот самый Кашей, но в голову ничего не приходило. Единственный царь, что мог быть рядом – её отец. Но какой же он Кашей? Он Чернобог – один из сынов Прародителя.

Но вымолвить это она не успела, со стороны леса раздалось конское ржание и послышался неспешный цокот копыт.

– Это ещё кто?

Братья оглянулись, ища место, где можно затаиться. Василий мимоходом вернул кляп в рот попытавшейся крикнуть Василисе и, подхватив лук с туго набитым стрелами сайдаком, нырнул за телегу, которую они успели поставить на колеса. Дмитрий юркнул в давешние кусты, предварительно подобрав с земли шлем и сменив дубину на лежащий там же меч в расписных ножнах.

Наблюдавшая за всем этим пленница в очередной раз попыталась пробудить Силу. Её ждала неудача. Тогда девушка решила применить иную тактику. Чтобы попасть во владения отца, нужно пройти царство огня – тут она вспомнила про горящую реку и представила, что кровь в её теле вскипела. Затем лес обреченных и заснеженные равнины Зимы. Ком, дремлющий в её груди, ожил. Зажечь огонек и спалить тут всё? Нет, не выходит. Тогда по-другому – втянуть в себя жалкие крупички Силы, что живут в её путах.

Тем временем на тропе, бегущей по краю поляны, показался всадник: молодой и широкоплечий. Копна светлых

волос озорно играла с приبلудившимся ветерком. Шлем юноши был приторочен к седлу, как и щит с копьём. Там же подпрыгивала на ходу блестящая на солнце клетка. Парень улыбался Солнцу, напевая что-то себе под нос.

– Неужто золотая?! – присвистнул Василий, кладя на лук стрелу.

– Тсс! – шикнул Дмитрий, успевший поднять лежащий в кустах щит и вынуть меч из ножен.

Не обращая на брата внимания, Василий зашептал:

– Ты посмотри! Это же Иван!

Дмитрий прищурился и гневно рыкнул:

– Добыл-таки Жар-птицу!

– Да и конь какой дивный! Погляди!

В этот момент всадник, щурившийся от непривычно яркого, после лесных сумерек, света, заметил привязанную к деревцу девушку и пришпорил коня, не удосужившись надеть шлем и поднять щит.

– Получай, братец! – Василий не выдержал первым.

Воздух разрезала пущенная с лука молния.

– Он мой! – продравшись сквозь кусты, взревел Дмитрий, бросаясь к заваливающемуся с коня младшем брату...

(продолжение в полной версии книги)

Копье небесного всадника (Ярило Вешний)

Три года до Купальской ночи

Ласковое весеннее Солнышко только собиралось выглянуть из-за горизонта. Оно уже успело разогнать отступавшую мглу свечением золотой сбруи своего коня, когда людской муравейник ожил, закопошился, взорвавшись покрякиванием и разноголосой какофонией, слившейся в дружный напев.

*Ты паси скотинушку,
Нашу сиротинушку,
Всю животинушку,
В поле, да за полем,
В лесе, да за лесом,
В лесу за горами,
За широкими долами,
Дай ты скотине траву да воду,
А злому медведю пень да колоду!²*

Лучась улыбками, искренне радуясь грядущему погожему деньку, парни переглядывались с девушками, а те хоть и задирали носы, но нет-нет да и отвечали приглянувшимся молодцам мимолетными взглядами, не забывая хихикать и шептаться с подругами. Пели громко, вдруг кто-то из нерадивых хозяев ещё спит. Шли споро – нужно было с песнями успеть обойти все дворы в деревне до выгона, затем вернуться в свой дом и помочь старшим, пока Ярилина роса не сошла. Сегодня был первый день после долгой холодной зимы, когда скотину торжественно выгоняли на пастбище. Готовились, как водится, заранее: с вечера покрасили яйца и заготовили вербу. В то время как молодежь несколькими

² Русская народная песня

ватагами обходила деревню, старшие доделывали приготовления и поднимали ребятню.

Когда обход был завершен, ватаги разделились на небольшие стайки – кому удобнее идти до дома вместе. Несколько девушек, спешили на другой конец деревни, туда, где высилась громада водяной мельницы.

– Любава, пойдите сегодня с Гореславом по росе кататься?

– Ой, скажешь тоже! – зарделась девица.

– А что? Силу и здоровье будущей семье накатаете!

– Ты, Злата, сама-то когда и с кем пойдешь? – дочь мельника Гостемила не осталась в долгу. – Гляди, сейчас пора свадеб – а ты всё от парней нос воротишь.

Её тут же поддержала другая подруга.

– И действительно! Всё тянешь и тянешь: этот тебе не мил, тот не пригож, один долговяз, другой толстоват.

– У меня хоть Гореслав есть, а ты кого дожидасься? – Любава остановилась, вынуждая подруг сбавить ход. – Неужели ждешь, когда у Ходуты пробившиеся усики погуще станут, чтобы он фортить ими мог, как тебя сватать пойдет.

– Ах, ты!..

Брань раздосадованной Златы – первой красавицы на деревне, задирающей свой курносый носик и, несмотря на возраст, до сих пор не выбравшей жениха, – потонула в поднявшемся смехе. Подруг слышали и остальные ребята, ещё не успевшие далеко отойти от перекрестка, на котором ватага разошлась по домам. От этого девушке было особенно обидно. Она в сердцах топнула ногой, махнула на подруг рукой и, прикусив губу, вбежала в свой двор, едва не сбив на ходу младшего брата, собиравшегося положить на выходе из хлева во двор пояс. Скотина должна была перешагнуть его, дабы знать дорогу домой.

– Зла... – Млад окликнул любимую сестру, но та лишь отмахнулась и, взлетев по ступенькам, скрылась в доме.

– Оставь её, – одернула сына мать, в сердцах переживавшая за дочку. – Лучше сходи за яйцами и бляшками.

Мальчик кивнул, аккуратно положил пояс на выходе из хлева, затем вбежал в дом. Ему очень хотелось пожалеть

Злату, но следуя наказу матери, он не стал тревожить сестру, а направился на кухню, взял приготовленную корзинку, поправил висевший на поясе нож, выточенный отцом и заговоренный им самим. Мечтательно подумал о том, что через несколько лет ему предстоит пройти испытания на дне Перуна и получить настоящий кинжал, со словом Всеслава на нем. И выбежал во двор.

– Хватай вербу и выгоняй коров и коз! – скомандовал отец.

Отдав корзинку родителям и взяв нарезанные вчера веточки вербы, поставленные в кадку с водой, Млад вбежал в хлев, где стояли Пеструшка и Бурый – её молодой бычок, а также с десятков коз, и начал орудовать прутьями, приговаривая:

– Принесла верба здоровья!

К ним присоединились младшие братья – Ярик и Бурислав:

– Как вербочка растёт, так и ты расти!

– Не я бью – верба бьёт.

Млад старался больше всех:

– Будь высокий, как верба; будь здоровый, как вода; будь богатый, как земля!

– Вербохлёт – бей до слёз!

Мать с отцом с улыбкой встретили скотину и начали гладить животных по хребту крашенным в красный и жёлто-зелёный цвет яйцом, вынутым из принесенной корзины, приговаривая:

– Гони-гони животину на Ярилину росу!

Млад знал, что потом этими яйцами будут одаривать пастухов. Мальчики тем временем достали из корзинки бляшки – особые хлебцы, и протянули их животным. Руки обдало теплым дыханием. Шершавыми языками те приняли лакомство. Заработали массивные челюсти.

С улицы послышались крики пастухов, собирающих стадо, и гомон детворы, усердно им в этом помогавшей. Понимая, что нужно спешить, родители Млада закончили натирать пестрые бока скотины и принялись за коз.

– Отдашь потом деду Ёршу, – мать всучила в руки мальчика берестяной туюсок.

– Хорошо, – Млад кивнул, доставая из кадки новый прутик, и крикнул младшим братьям: – Эгей, гони со двора, дальше я сам, – после чего важно задрал нос.

Братья, нещадно хлеща прутиками, выгнали скотину на улицу и попытались улизнуть следом, но тут же были пойманы отцом.

– А вы куда?!

– Мы тоже хотим!

– Мы поможем!

– Малы ещё!

Зная суровый нрав родителя, детвора забурчала обиженно под нос, но, не пререкаясь, забежала во двор.

– Я вам и тут дело найду, – усмехнулся отец и крикнул старшему сыну: – Долго не ходи! Скот пасти будут до высыхания росы, ты раньше вернись, по лесу не шастай!

Млад кивнул и, теряясь в общем потоке животных и гонящих скотину ребятишек, направился на окраину деревни, где уже собиралось стадо. Это второй раз, когда мальчику позволили поучаствовать в Ярилином дне наравне со старшими ребятами. Он уже с неделю продумывал план действий на сегодня: что взять с собой, где расположиться, когда начнется обход – обряд защиты стада от Волчьего Пастыря, как с луга быстрее добежать в поле, чтобы успеть на встречу Ярилы Вешнего – молодого Солнышка. Конечно, жалко было Злату, сестрица готовилась к сегодняшнему дню, прихорашивалась, и вот те на: прибежала заплаканная. Подавив в себе желание насолить этой вредной Любаве – очень не хотелось ссориться с мельником Гостемилом, который всегда угощал такими вкусными крендельками, – Млад помахал рукой друзьям, уже прибывшим на место и, перескакивая с ноги на ногу, выбежал за ограду деревни.

* * *

– Но!

– Пошла!

– Пошла, родимая!

За околицей хлысты пастухов пришли на смену прутикам вербы. Оттеснив мальцов от собранного стада, дед Ёрш с помощниками, окриками и резкими щелчками кнутов над головами умело направили животных к лугам, где на траве вот-вот уже должна была выйти роса. Летом коров пасут отдельно от коз, но сегодня их гнали одним стадом, намереваясь на лугах провести обход, способствующий защите скотины от диких зверей.

Стадо шло споро. Выпас располагался недалеко от деревни: нужно было за пашней обойти рощицу и выйти на луга, раскинувшиеся на берегах извивающейся, словно вертлявый уж, реки. Неподалеку за излучиной находилась поляна, на которой издревле проводили праздники и славили предков. Разумеется, стадо туда не пускали. Животные слушались главного пастуха, вскорости окрики и щелчки кнута оказались не нужны.

Деда Ерша любили не только животные, всегда покорные ему. Дети с радостью помогали пастуху летом. Сыновья пастуха перебрались в город. Старший внук Борис редко посещал деда. Поэтому Ёрш находил отдушину в деревенской детворе, которая приходила купаться и удить рыбу. На удивление Ёрш всегда выбирал самое удачное место, где клевало так, что руки уставали вытаскивать улов. Между собой ребяшня шепталась, что пастух ведет род от водяного, оттого и имя такое, и рыба слушает. В ответ дед лишь посмеивался, покусывая сочную травинку, да гудел на рожке. Такие дуделки он с радостью дарил юным помощникам. Кроме этого, он мастерил всевозможные дудки и свистульки, радовавшие детвору. А сколько было рассказано баек и историй, сидя у костра, когда уходили с лошадьми в ночную – не счесть. В отличие от коров, лошади днем трудились наравне с людьми, и пасли их только по ночам. Не всех ребят отпускали после заката на луга, но сорванцы, обоснованно ожидая утром порки за непослушание, всё же сбегали из дому, дабы окунуться в мир, сотканный из пламени костра, речной дымки, выдуваемой ветерком на берег, жаренного на огне хлеба, печеных яблок и всегда меткого слова деда Ерша. Когда

пастух начинал говорить, чудилось, что туман оживал, рождая в себе движение, деревья сходили со своих мест, окружая прижавшихся к костру ребятишек, придвинувшаяся рощица виделась непроходимой чащобой, из недр которой на них смотрели вечно голодные буркалы.

Млад мотнул головой, отгоняя наваждения – какие могут быть лихие соглядатаи ранним утром, в Ярилин день, да на самой околице деревни. Но чувство чужого взгляда ушло не сразу, нехотя отпуская мальчика, рождая тревогу в его сердце. Ещё раз оглядевшись – нет, чужих не наблюдалось, – Млад, отставший от друзей-приятелей, шедших за стадом, пустился бежать, перепрыгивая через небольшие ручейки, илистое дно которых украшали следы копыт. Мальчик ежился от подступившей утренней прохлады, приговаривая, вспомнившуюся приметку:

– На Ярилу мороз – будет гречка и овёс!

Младу казалось, что воздух загустел. До ушедшего вперед стада было рукой подать, но как он не напирал – не мог их догнать. Чудилось, что на его два шага, пастухи делают три или четыре – с каждым мгновением удаляясь от отставшего мальчика. Чувство чужого взгляда усилилось. Млад вздрогнул, споткнулся на ровном месте, едва не уронив туесок, который нужно было передать деду Ершу, сильнее прижал ношу к груди и ненароком схватился за висящий на поясе ножичек. Воздух вздрогнул, марево отпрянуло. В глаза ударил свет, готовящегося выйти на небосвод Солнышка, из ушей словно вытащили набившийся там мох: звуки резко усилились, а расстояние между ним и пастухами неожиданно сократилось, и он едва не налетел на приятелей, которые недоуменно посмотрели на отставшего на десяток шагов друга, почему-то идущего очень медленно.

– Ты чего? – Доброход, старший приятель Млада, удивленно посмотрел на товарища.

– Ничего, – Млад отпустил рукоять ножа, с опаской оглядевшись – чужого взора не чувствовалось.

– Навьи шалят, – понимающе кивнул Щек, стоявший по другую руку добежавшего до друзей мальчика. – Так бывает.

Голодные они – а тут такой пир можно устроить, – он кивнул в сторону стада. – Но ты не бойсь. Ёрш своё дело знает. Скоро сам увидишь, как ограду городить будет – ни один навий не пройдёт.

Млад в ответ только кивнул головой, переваривая пережитое. По рассказу старших в ночь Коляды и не такое случалось, говорили разное, но он не шибко тому верил, считая сказанное байками-шутейками, созданными для того, чтобы стращать таких желторотых, как он. Ничего! Придет и время Млада водить колядовочные ватаги по деревенским дворам. Уж он-то не позволит почем зря пугать малышей.

Погруженный в собственные мысли, мальчик не заметил, как стадо обошло березовый лесок, разделявший пашню и луг. В реальность Млада вернули протяжные гудки. Старательно надувая щеки, Ёрш гнал воздух через дивный можжевеловый рожок, оповещая собравшихся о начале действия. Его помощники уже собрали стадо в центре луга. Коровы, быки и молодые бычки встали, опустив рога в сторону леса. Телята и козы укрылись за их спинами.

– Словно и они что-то учуяли! – прошептал Млад.

Бочком, бочком люди потянулись к флангам ошестинившегося рогатого воинства. Ёрш прекратил гудеть, хмыкнул, с прищуром глядя на рожицу, и взял из протянутой руки подпaska решето.

– Сейчас будет просить Ярилу охранять скот, уберечь его от диких зверей, – со знанием дела прошептал Щек.

– Ага! – вторил ему Доброход. – Он ведь покровитель пастухов, кого, если не его просить-то?!

В этот момент Ёрш начал обход стада по Солнцу. Решето пастух держал перед собой. Шел не спеша, но и не медлил, приговаривая:

*От змея ползучего,
От гада шипучего!
Сиди, гад, в земле!
Сиди, а к нам не ходи!*

Ёрш сделал круг и поменял слова наговора:

*От медведя могучего,
Лапу сосущего!
Ешь, медведь, мёд и малину!
Не трожь нашу скотину!*

Заходя на третий круг, пастух вновь недобро взглянул на деревья и, потрясывая решето, продолжил:

*От волка бегущего!
Лютото-злющего!
Сиди, волк, в чащобе,
Иначе не унесёшь ты ноги!*

Завершив третий круг, Ёрш развернулся и пошёл противосолонь, повторяя наговоры. Люди молчали, внимая словам пастуха. Смолкли и животные, продолжая исподлобья взирать на деревья. Когда Ёрш завершил третий круг, скот словно выдохнул, опустил головы и начал как ни в чем не бывало, щипать траву, стараясь не разбредаться из очерченного пастухом круга.

– Я же говорил! – Щек толкнул Млада в плечо.

– Пойдем в росе купаться! – вымолвил Доброход и, не дожидаясь ответа, отошел от стада и упал в траву.

Остальная ребятня уже всюю каталась по земле, приговаривая:

– Будь здоров, как Ярилина роса!

– Ярилина роса от семи недугов.

Глядя на их забавы, Ёрш усмехнулся в длинный ус и вымолвил с улыбкой:

– На Ярилу роса – не надо коням овса.

Млад не ответил. Он уже подумывал: как улизнуть от ребятни, чтобы скорее бежать на пашню, где должны были собраться все жители деревни. Идти тем же путем, по

которому пригнали стадо – потерять время. Остается рощица. Светлая и уютная она всегда была отдушиной в знойные летние деньки. Сейчас же, при каждой мысли о пути напрямик, Млада била дрожь и накатывал страх. Но желание увидеть встречу Ярилы пересилило, и мальчик решился. Оставив туесок с гостинцами для главного пастуха подле раскидистой яблони, росшей ближе к реке, куда уже положили дары остальные ребята, Млад опрометью бросился к деревьям. Ёрш, отошедший в то время к реке, чтобы умыться лицом, резко поднялся, как только Млад пересек очерченный пастухом круг, и с досадой щелкнул кнутом, понимая, что юнца не догнать. Затем с надеждой посмотрел на зачинающийся рассвет – не видать ли Ярилы-заступника, Сила которого в скором времени может оказаться ой как кстати.

* * *

Огромный черный волк неся в хвосте стаи. Он то и дело, рыча на молодых, пытаясь цапнуть отстающих, клацал зубами и затравленно оглядывался назад. Охота не удалась. Стаю Рыка поджидала засада, неведь как: случай или дурная ворожба чародеек Ирия, – оборотень не ведал, – но Громовое войско вышло аккурат на них, не дав прокрасться в пограничье Вечного Сада, в сам Ирий волкам не было хода. Пало несколько волколаков, не сумевших достойно разменять свои жизни на жизни вырождков Прави. Оборотень люто ненавидел воинов Перуна, несколько лет назад расправившихся со старшими сыновьями вожака. Хоть Чернобог и запрещал прямые столкновения, Рык, ушедший с отрядом в дальний дозор, не мог упустить такой случай, чтобы расквитаться с ненавистным врагом. Целью отряда был конь Ярилы, без которого юное Солнце не взошло бы на небосвод. Конечно, волколак тешил себя надеждой разделаться и с самим младым всадником, но тут оборотень отдавал себе отчет, что это больше мечты, чем реально осуществимая цель.

Не срослось! Подбитый на дерзкую вылазку молодняк не сумел оказать должного сопротивления, и теперь погоня

висела на хвосте. Что ж, если удастся её сбросить, можно успеть погулять в каком-нибудь селении живых, благо Рык отлично помнил, что именно сегодня людишки первый раз с зимы выводят скот, на прокормку изголодавшим за зиму серым братьям. Нужно только успеть схватить зазевавшегося теленка до того, как их заметят живые.

Тяжелые лапы приминали молодую, едва поднявшуюся траву подлеска. Не хрустнула ни одна ветка, ни одна из пичуг не оторвалась от постройки гнезда. Гонимые волей вожака массивные волки тенями просачивались через лесные буреломы, насквозь проходя чащобу пограничного с Навью леса. Они не устремились в свою вотчину, а свернули у самой границы, когда жар реки Смородины был явственно ощутим, направившись к ближайшей деревушки, которую обычно не трогали. Голодные желтые глаза требовали отмщения, белые опозоренные клыки желали выместить злость за постыдный побег, а бушующая в груди ярость настаивала на скорейшем выходе.

Добычу оборотни учуяли сразу, как залегли в подлеске. Добыча сама шла к ним в рот. Рык голодными глазами рассматривал приближающееся стадо. Решал, кого лучше схватить: теленка или молодого мясистого бычка. Или лучше и того, и другого. А может, учинить резню и оставить деревушку без стада? Нет. Чернобог почему-то благоволил этим живым, велел обходить деревню стороной. Но если не стадо, то теленка-то можно? Закипающая ярость застилала пеленой глаза, большой черный волк поднялся на лапы, затем вновь прильнул, укрываясь в стеблях прошлогодней травы. Ну их, этих телят! Может быть, лучше утащить живого? Сколько тут щенят живых собралось! Вон тот, например. Рык уставился на отставшего от общей процессии ребенка. Мальчик тут же споткнулся, едва не уронив свою ношу, огляделся. Волколак насмешливо рыкнул: чует-чует никчемное племя, кто настоящий хозяин леса! В боку кольнуло – видать, намеченная жертва воспользовалась оберегом. Оборотень опустил взгляд, теряя из виду мальчика.

– Вот дурачье! – просипел он человеческим голосом.

Разве его остановит такая безделица?! Решено – как только люди подойдут ближе – уносим нахального мальчишку, не пожелавшего поддаться его воле и самостоятельно прийти на обед. Стадо тем временем собралось в центре небольшого луга, раскинувшегося подле неширокой речушки. Коровы, учуявшие оборотней, опустили головы, целя рогами в притаившихся зверей. Люди сбивались ближе к коровам.

– Как будто их это спасет! – хмыкнул Рык.

Тут взгляд вожака встретился с колючим взором пастуха, который посмотрел напрямик на волка. Оборотень вздрогнул, отполз назад, оскалился – какой-то человечиска посмел ему перечить! Решено! Он рыкнул на стаю, та подобралась ближе, готовая к атаке. Но тут дерзкий пастух начал обходить стадо, что-то бурча под нос. Рык удивленно поднял брови, привстал – за спиной живого начала расти трава. Зеленый забор поднялся по колено бредущему. Живой пошел на второй круг – трава за ним поднялась по пояс. После третьего круга травяной забор поднялся в рост человека. Видя, что добыча уходит из его пасти, волк зарычал. Он чуял, что заговоренная пастухом-кудесником изгородь не так проста, как кажется: через нее не проскочить и не перепрыгнуть – глядишь, ещё после такого прыжка будешь висеть пронзенным на этих зеленых пиках.

Но голод и злость брали своё. Рык решил не церемониться, а вырезать всех собравшихся на лугу, дабы другим неповадно было! Когда он уже вознамерился отдать приказ одному из молодых оборотней попробовать преграду на прочность, через изгородь, словно не замечая её, прошел тот самый малец, коего вожак выбрал в качестве сегодняшней добычи. Мальчик огляделся и прытко побежал к деревьям, чуть в сторону от засады.

Серые тени пустились следом. Первым бежал Рык. Березовая рощица быстро вывела их к узенькой тропинке, по которой, то и дело оглядываясь, во всю прыть бежал живой. Оборотень решил не спешить, желая поиграть с беглецом, и не заметил, как перед ним возник кряжестый старик с длинным посохом. Зверь едва не сбил путника. Ощетинился, показывая острые зубы, и зарычал:

– Уйди с дороги, старый!

Недовольно зашелестели ветки, осыпая оборотня набухшими почками, вздыбилась, ощетиниваясь, молодая трава, швырнув в морду невольно отступившему вожаку пригоршню прошлогодней грязной листвы.

– Здесь нет места для твоей охоты! – старец зло посмотрел в глаза скалящемуся волколаку.

Рык помнил, как много зим назад, будучи ещё молодым оборотнем, повадился лакомиться дичью в одном из пограничных лесов, да поссорился с местным лешим. Выходит, нынче он вернулся в те самые уголья. Видя, что добыча вновь уходит от него, вожак клацнул зубами. Готовые к атаке оборотни взяли Лешего в полукольцо.

– С дороги! – Рык зарычал. Ему вторила стая, поддерживая вожака воем.

– Чьей волей, глупый пёс, ты направлен сюда?

Зубы клацнули у горла старика.

– Надо мной только моя воля, старый пень! Трухлявая колода тебе на голову!

– Труха тебе в глотку, безумец! Ведаешь ли твой хозяин, где ты посмел устроить охоту и на кого сейчас разинул пасть?!

Рык умерил пыл, но понимая, что отступить на глазах стаи и покрыть себя несмываемым позором – значит, потерять статус вожака, никак не унимался.

– С дороги! Иначе...

Леший молча усмехнулся, ударил оземь посохом. Деревья качнулись, вырывая корни из земли. Волки испуганно заскулили, кружась на месте, не понимая, куда бежать. Их окружал частокол из берез, вставших друг к другу стволами. До ушей оборотней долетел шелест ветра, прошептавший:

– Посидите здесь, покуда не образумитесь!

* * *

– Ой, и Ярило у нас нынче! – с усмешкой воскликнула Злата.

Девушка нервно поглашивала кувшин с квасом, ища и не находя взглядом младшего брата, который спозаранку ушел со стадом, но обещал быть в урочный час на поле. Неужели решил остаться с пастухами, упуская возможность встретить ряженого Ярилу?

– Ты посмотри! Это же Ходута! – стоявшая неподалеку Любава подмигнула сестре Млада и тут же начала что-то нашептывать хихикающим подружкам.

В другой раз Злата знала бы чем ответить нахалке, но сейчас ей не было дела до глуповатой дочери мельника Гостемила, девушку интересовало, куда мог запропасться братец.

– Не из лужицы же в виде копытца он испил! – усмехнулась девушка. – А то глядишь, бегаёт сейчас козленком посреди луга, на потеху собравшимся там сорванцам, да деду Ершу.

Ответа она, разумеется, не получила. Переведя взгляд на ряженого, ухмыльнулась, помянув Любаву. Ярилой в этом году был действительно Ходута. Долговязый парень чинно восседал на таком же ряженом, как и он, коне. В роли коня выступала пара сопящих крепышей. Одного из них девушка узнала сразу. Телепень Яробор выступал в роли головной части коня, зло зыря на собравшихся из-под накинутой сверху цветастой попоны, кряхтя и согнувшись враскорячку, он направлялся к центру широкого поля. Ноги коней вязли в сырой, совсем недавно перевернутой пахарями земле, важно чавкающей при каждом шаге.

Ходута с надменным видом восседал на неповоротливом скакуне, периодически ударяя пятками по бокам Яробора, отчего крепыш шипел и что-то зло шептал всаднику, изредка высовывая из-под попоны не по годам увесистый кулачище. Ходута был на несколько лет младше Златы. В скором времени он войдет в возраст, когда подобает создавать семью – на это злыми шуточками и намекала Любава. Глядишь и попытается умыкнуть первую красавицу деревни у воды в очередной купальский праздник или в день свадьбы Змеиною Царя. Залившись краской, девушка отогнала дурные мысли, с

интересом рассматривая новоявленного Ярилу. Ходута был обнажен по пояс, всё тело исписано солнечными узорами. Витиеватые рисунки завораживали, заставляя взор вновь и вновь возвращаться к изгибам линий. Расписанное яркими красками лицо парень с наслаждением подставлял поднявшемуся над горизонтом Солнцу. Было видно, что ряженому по душе исполняемая им роль. В правой руке Ходута сжимал колосья пшеницы, указывая ими, куда следует двигаться коню. Левою прижимал к себе, чтобы ненароком не уронить, каравай, украшенный веточками ели.

После того как направляющаяся к центру поля ряженная процессия прошла подле собравшихся, люд двинулся следом. Злата слегка наклонила кувшин, окропляя квасом поле. Пропажа братца не выходила из головы, но девушка помнила и про возложенные на неё обязанности. Остальные девицы да жонки так же плеснули из своих кувшинов, кто квасом, а кто ключевой водицей, кормя Землю-Матушку. Иные щедро раздавали принесенные угощения.

– Держите!

– Угощайтесь!

– Хлебного года, да богатого урожая!

Следуя друг за другом, люди дошли до середины поля и, не сговариваясь, встали широким кругом, в центре которого оказался Ярило с конем. Ходута надменно посмотрел на собравшихся, ловя на себе завистливые взгляды парней погодков, затем не спеша спрыгнул с коня, отчего составляющие его крепыши крякнули, тут же разогнув спину и бочком отойдя в основной круг. Ряженный Ярило поднял вверх руки, потряхивая колосьями, и гнусаво запел:

*Подавай ключи,
Отмыкаю траву!*

Его тут же поддержали собравшиеся:

*Вызволяй Весну,
Вызволяй красну!*

И снова один Ходуга:

Отмыкаю траву!
Поднимаю росу!

Собравшиеся хором:

*Поверни Весну
К лету теплomu!
Гой, Яре-яр, Ярило!*

– Карагод! – воскликнул Ходута и опустил руки.

Собравшиеся пошли по кругу посолонь, напевая:

– Жито-жито, живи-живи сыто!

Ряженный Ярила при это отламывал и раздавал всем кусочки от своего каравая. Когда хоровод сделал круг, Ходута разорвал цепь, направляясь к краю поля. Люди один за другим последовали за парнем.

Глядя на приплясывающего парня, Злата в сердцах подумала: хорошо бы после обхода поля, который проводится для заключения пашни в обережный круг, ограждающий жито от худого, Млад оказался бы по эту сторону. Девушка переживала за братца, украдкой поглядывая на Ярика и Бурислава, которые скакали пуще ряженого, далеко не отходя о родителей, шедших впереди дочери.

* * *

Роща, расступившись, пропустила Млада. Мальчику чудилось, что деревья отходят с его пути, смыкаясь за спиной. Огромных волков, притаившихся в подлеске, он заметил, чуть ли не сразу, как вбежал под сень берез. Испугался, но не застыл в оцепенении, а дал стрекача, припустив так, что пятки засверкали. Стоило вернуться к стаду – наверняка бы успел под защиту наговора Ерша. Но непреодолимое чувство опасности гнало его прочь от луга, на котором остались скот с дружками-приятелями.

Деда Пахома Млад заметил сразу, как только ему под ноги, с отчаянием загнанного зверя, бросилась узенькая тропа, петлявшая меж стройных берез. Старик жил бирюком в лесной чашобе и изредка захаживал в деревню. По мере сил он всегда помогал жителям Влесова Ключа: приключись у кого хворь –

приносил редкие корни и травы, ушла дичь – подсказывал, где лучше ставить силки, а куда наведаться с ружьишкой, дикий зверь непомерно таскал скот и вредил стаду больше, чем мог съесть – старик и на хищников находил управу. Пахом подмигнул удивленному мальчику и вступил на тропу.

Оглянувшись, Млад с изумлением увидел, что чудной старик заступил путь почти нагнавшим беглеца волкам и, подняв посох, что-то втолковывал зверью. Но времени удивляться не было. Ход парень не сбросил, наоборот поднажал – бежать по тропе было удобнее, чем между деревьев. В очередной раз обернувшись, Млад не увидел волков, лишь узрел на их месте стену из берез. Озабоченный происходящим за его спиной, мальчик пропустил изменения, творящиеся впереди и вокруг него.

– Привидится же! Чур меня, чур! – испуганно прошептал он, сбавляя скорость, но не переходя на шаг.

Чур не ответил, справедливо полагая: сам забрался в эту передрагу – сам сумеет найти выход из неё. Млад только сейчас вспомнил, что не было никакой тропы в их рощице. Да и поле, начинающееся аккурат за деревьями, должно было уже показаться меж стволами. Вместо этого тропа расширилась, что по ней могла проехать небольшая телега, а в знакомой с детства березовой роще стали попадаться дубы, да липы, которых тут отродясь не водилось.

– Откуда они здесь?

Млад и опомниться не успел, как березы пропали вовсе. Лес стал темен. Повеяло сыростью и прохладой. Когда позади послышался топот, мальчик вздрогнул и оглянулся. Преследователей видно не было. Замешкавшись, он огляделся, ища укрытие, и затравленным зайцем побежал по расширяющейся дороге. Шум погони усилился. Через некоторое время стало ясно, что его нагоняют всадники.

– Одно облегчение, что не волки! – усмехнулся мальчик.

Проследовав за изгибом тропы, он неожиданно для себя выбежал из-под защиты леса на открытую местность. Недалеко от опушки леса раскинулось широкое озеро. За ним громоздились отвесные скалы, вершины которых венчали

массивы льда. Млад не успел ничего предпринять, как из-за деревьев, справа и слева от него, на небольшом удалении от тропы, начали появляться всадники. Держа наготове щиты, они озирались, ища супостата. Солнце отражалось от куполов их остроконечных шлемов. Лица были закрыты кольчужными бармицами. Копья подняты. От алых плащей и красных стягов, на которых был изображен кулак, сжимающий три молнии, зарябило в глазах. Мальчик собрался было юркнуть обратно под сень деревьев, но раньше, чем обернулся, услышал за спиной конское ржание и грубые голоса.

– Попался!

– Хватай его!

На плечо Млада легли крепкие пальцы. Мальчик охнул от навалившейся тяжести.

– Да поостынь ты! Или думаешь, свора оборотней обратилась в этого мальчонку?

Перед взором испуганного ребенка предстал высокий широкоплечий воин с непокрытой головой. Ветер трепал края его алого плаща, под которым была надета кольчуга. Суровый взгляд витязя прожигал насквозь.

– Ты кто таков? Как тут очутился?

– Млад я! – мальчик едва не заикался от испуга. – Шел на поле, к Яриле, а тут волки...

– На поле, значит!.. – воин посмотрел за спину мальчику, плечо которого словно было сжато тисками – крепка была хватка неизвестных богатырей.

Через некоторое время витязю ответили.

– Выходит, они всё же решились пойти в деревню.

– Выходит! Бед могут там натворить!

– То вряд ли, княже!

– Это почему же? – широкоплечий недоверчиво посмотрел на собеседника.

Из-за спины Млада выступил говоривший воин и что-то прошептал на ухо суровому витязю.

– Может быть, ещё успеем перехватить их на границе?! Выступаем!

Отряд тут же ожил. Витязи, стоявшие полукругом со стороны озера, направили коней обратно на тропы, по которым сюда прибыли. Воины, находившиеся позади мальчика, разворачивали скакунов. Млад, понимая, что другого шанса не будет, решился.

– Ты Перун?

Мальчик сам ужаснулся своей наглости. Всё это время он, не веря происходящему, глазел на выбритую макушку воина, с которой свисал завидного размера чуб, и на его длинные усы. Кто же это ещё мог быть, как не сам Громовик? Тем более величают его князем, а кулак с молниями, не чем иным, как знаком Громового войска.

Гневный взгляд предводителя мигом утихомирил воинов, решивших оскалить зубы и погоготать. На мальчика князь посмотрел не менее сурово, но всё же ответил:

– Моё имя – Святослав!

* * *

– Хорошо поднялись!

– Густо взошли!

– Колосись, расти, родимая!

Обойдя несколько недавно вспаханных полей, ряженный Ярило привел праздную процессию к зеленому ковру озимых посевов. Тут, потеснив молодежь, на первое место вышли старики во главе с седым кудесником Всеславом. Цокая языками, старцы потрепали бороды, затем некоторые из них припали к земле. Обрядник размял в руке ком, затем высыпал содержимое из кулака и ласково погладил землицу. Все понимали важность момента, ведь от того, как взойдут озимые, зависит благосостояние каждого двора и здоровье жителей деревни.

Удовлетворенный результатом осмотра: ростки взошли кучно, стебли толстенькие, стоят уверенно, не гнутся под напором ветра, бусинки росы на стеблях высыпали богато украшенным ожерельем – Всеслав поднял руку и воскликнул:

– На Ярилу роса – будут добрые проса!

После этих слов все вновь обратили свой взор на Ходуту, который, маясь ссохшимся от постоянных напевов горлом, успел сходить напиться предложенного квасу, с прищуром поглядев на зардевшуюся Злату. Девушка залилась краской больше от перешептываний подружек, чем от взора смотрящего, но парубку это было невдомек. Окрыленный парень воздел колосья к небу и радостно воскликнул:

– Ярило Храбрый – зиме ворог лютый!

После этого он, приплясывая, пошёл вокруг поля. Люди, напевая, следовали за ним:

*Ярило землю отмыкает,
Ярило землю выпускает.
Ой, ай-ли ай-люли
Из-под спуда выпускает.
Ой, ай-ли ай-люли
Зелёну травку выгоняет!
Ой, ай-ли...*

Процессия обошла широкое озимое поле, после чего двинулась к полю паровому. Оно было вспахано, но посева в этот год на нем не будет – земля должна отдохнуть, чтобы в следующие два года даровать богатый урожай озимых, а затем яровых. Стелющиеся по пашне песни согнали птиц, копошащихся на недавно вспаханной земле, дышащей влагой.

*На Ярилу роса –
Скоро будет трава
Ой, ай-ли ай-люли
Скоро будет трава*

*На Ярилу с теплом –
Скоро будем с кормом!
Ой, ай-ли ай-люли
Скоро будем с кормом!
Ой, ай-ли...*

У следующего, уже частично вспаханного, но ещё не засеянного поля, Ходута остановился. Нынче тут будут сеять яровые. С завтрашнего дня начиналась пахота – каждая семья готовила свой лоскуток земли, – после затевали сам посев. Сейчас на поле не было никого, кроме одинокого старца, бредущего за лошадьё, которая понуро тащила за собой плуг. Пахарь не применял никаких усилий, отчего лемех едва срезал верхний слой почвы.

Ходута весело воскликнул:

– На Ярилу выезжает и ленивая соха!

Ответом ему был дружный смех собравшихся на праздник людей. Затем кто-то крикнул:

– Отмыкай землю, Ярило!

Крикуна поддержали:

– Отмыкай, чего стоишь?

– Да, давай скорее!

– Видишь, как земле неймется?!

И тут все смолкли, в испуге замерев – земля качнулась, оживая. По пашне неспешно ползли гигантские земляные волны, словно под слоем почвы ожил исполинский полоз. В былые времена во Влесовом Ключе и слыхом не слыхивали о землетрясениях, потому люди опешили, не понимая, что нужно делать, как себя повести. Но заминка длилась лишь мгновение.

– Мальчик, начинай Зарод, – воскликнул нависший над ряженым Ярилой Всеслав. Голос кудесника переполняла нешуточная тревога. – Отмыкай Мать-Сыру Землю!

Ходута не посмел послушаться и разжал пальцы, выпуская из ладони одно-единственное, загодя заговоренное зерно. Прекратив озираться по сторонам, люди затаили дыхание. То, ради чего затевался праздник, должно было вот-вот случиться. И никакие напасти не могли помешать собравшимся.

Зернышко падало невероятно долго. Крутясь волчком, оно летело к земле и никак не могло долететь. Ждущим взорам открылись все шероховатости, потертости и царапины, имеющиеся на зерне. Люди успели изучить плавные изгибы и неровности бороздки, разделяющей одну половину семян от

другой. Время ожило и понеслось галопом вскачь, так же внезапно, как и замедлилось.

Разбегаясь в панике, корчась от боли и тая на глазах, облака, до этого закрывшие всё небо, отпрянули, открывая взорам людей юного всадника на белоснежном коне. Молодец улыбнулся, отчего на лицах потупивших очи девушек проступили веснушки. Затем он сурово посмотрел на ожившую вздыбившуюся землю, сильнее нахмурился, отводя сжатый кулак вверх, словно сжимал копые, и резко бросил руку вниз, разжимая пальцы.

Ударивший с небес луч света в считанные мгновения догнал приближающееся к земле зерно, поглотил его, преображая в массивный острый наконечник. Созданное всадником копые ударило наискось по вздыбленной, извивающейся земле, вспарывая почву по всей длине живого вала.

Люди ахнули, глядя на оседающее поле, и вздрогнули от раздавшегося женского крика:

– Смотрите! Смотрите! Там кто-то есть!

Но окончательно в чувство всех привел Всеслав:

– Скорее! Он ещё жив!

* * *

– Обидчика нужно бить трижды.

– Почему?

Млад сидел на крупе лошади, позади воина, который и схватил мальчика, когда Громовой отряд догнал беглеца. Ребенка, неведомым образом попавшего в здешние края и увлекшего дозорных Ирия по ложному следу, князь решил вернуть домой. Продвигались они неспешно. Два других отряда, шедших параллельными тропами, напротив – умчались быстрее ветра, один к Влесову Ключу, другой к окраинам пограничья Нави. Святослав ждал сообщения о местоположении оборотней.

Крепыш, едва не сломавший Младу ключицу, на деле оказался добродушным, разговорчивым парнем, с интересом

расспрашивающим о нынешней жизни в Яви. О себе он уклончиво сказал, что детство провел на Ладогe, не желая открывать подробности ухода в Вечный Сад. Зато о кулачках вещал с упоением, взалхлеб вспоминая картины из прошлой жизни. Млад с жадностью внимал каждому слову.

– Первый удар за то, что он заступил за кон и нарушил уклад мира и посмел подумать, что может тебя ударить! Второй раз за сам удар, попал он или ты уклонился – не важно.

– А третий? – мальчик держался за пояс великана, выглядывая из-за широкой спины.

Конь витязя был ему под стать – пегий крепыш, – попервой пытавшийся цапнуть решившего прокатиться на нем мальчонку. Отряд двигался не спеша. К великой радости Млада, он всё чаще начал замечать промеж сурового леса белые стволы долгожданных берез. Это могло означать только одно – он скоро вернется домой.

– А третий, чтобы супостат запомнил и больше не пытался на тебя нападать! Усвоил?

Мальчика забавляла манера витязя излагать свои мысли.

– Усвоил!

– Вторак, прекращай лясы точить! – один из гридней отстал от идущего впереди Святослава и поравнялся с плетушимися в конце строя седоками

– Я не лясы точу, – богатырь насупился. – Я втолковываю отроку уклад боя! Усвоил?

Десятник только хмыкнул в ус, который едва ли уступал по длине усам предводителя отряда.

– Малец, узнаешь места?

– Да! – Млад радостно кивнул головой. – Похоже, что я бежал здесь.

– Добро, – он вновь посмотрел на крепыша. – Вторак, бери с собой Тишилу и Неждана, довезете отрока до знакомых ему мест и сразу к нам. Мы встанем подле старой дороги, сокол принес весть. Не знаю, с кем там столкнулись оборотни, но желание куролесить в деревушке у них явно поубавилось. Волколаки возвращаются в Навь. Вы как раз встретитесь с

отрядом Добрыни и ударите по волкам с тылу. Усвоил?! – передразнил он витязя.

Воин засопел, но пререкаться не посмел.

– Усвоил!

Кони перешли с неспешной рыси на галоп. Время ожидания закончилось, и богатыри, желая поучаствовать в сражении, подгоняли скакунов – а то гляди, слава обойдет их стороной. Млад, считавший, что хорошо держится верхом, пару раз едва не свалился наземь. Благо наездник каждый раз успевал поймать спутника, реагируя молниеносно, словно имел на затылке глаза. Когда березы в лесу стали преобладать, а в поле зрения осталось всего несколько дубков, да одна липа, витязи остановили коней.

– Дальше сам дойдешь?

– Дойду! – Млад спрыгнул с коня и поблагодарил воинов, в тайне досадуя, что им так быстро приходится расставаться. Мальчику очень хотелось больше времени провести с витязями Прави, пораспрашивать о жите-бытье, поучиться воинской науке, а может, и погонять оборотней. Но, видно, не судьба. – Благодарю тебя, Вторак, за науку!

Гридни отсалютовали копытами и, развернув коней, помчались на встречу с одним из своих отрядов. Млад некоторое время смотрел на опустевшую тропу. Мысленно пожелал богатырям победы и, оглядевшись, легким бегом направился в обратный путь. Совсем скоро березы окончательно вытеснили иные деревья. Тропа таяла, из широкой и торной превращаясь в узкую, совсем не хоженую. Млад не заметил, когда она исчезла. В один миг опомнился, обернулся, а её как не бывало – кругом одни деревья, даже без намека на пройденный путь.

– Чудеса! – в сердцах выпалил он и зашагал по известным сызмальства ориентирам к пашне, на которой уже должны были чествовать Ярилу.

Окрыленный неожиданной встречей и путешествием в неведомый край, Млад не сразу учуял разносящийся по воздуху запах плесени. Сбавил шаг, боязливо озираясь – вдруг новая напасть из Нави пожаловала. Случайно провел ладонью

по стволу березы и ойкнул – пальцы вымазались в дурно пахнущей плесени, которая находилась на коре дерева, вместо черных полос-чечевичек. Мальчик судорожно обтер руку о ствол, отчего береста скукожилась и опала, оголяя гниющий ствол. Млад желал скорее выбраться из рощицы, но с ужасом понял, что его ноги ушли по щиколотку в землю, словно он находился на болоте. С чавканьем выдрал ступни, сделал шаг и тут же провалился по колено. По роще прокатился вкрадчивый голос, отдаленно напоминающий змеиное шипение:

– Наш! Ты наш!

Млад вновь рванулся, но сумел вытащить из земли только одну ногу. Попытался выдернуть вторую, но не удержал равновесие и упал на живот, провалившись руками в землю по локоть. С ужасом пришло осознание, что к нему прикасаются липкие холодные пальцы. Краем глаза мальчик заметил...**(продолжение в полной версии книги)**

УСПЕЕШЬ ЗАКАЗАТЬ КНИГУ до ПОВЫШЕНИЯ ЦЕН?

**Книга с автографом автора и подарком
ждет тебя на сайте:**

www.gardar.biz

ОГЛАВЛЕНИЕ

Присказка.....	3
Зачин.....	5
Самый редкий день в году	9
Перо Вещего Ворона	34
Копье небесного всадника.....	68
Пленник Забытого края	97
Оскал Серого Волка	122
Дети Змеиного Царя	165
Приют Павших Богов	201
Хозяйка сумеречного морока.....	224
Концовка.....	261